PG 3337
.P83 08
Copy 1

Шкафъ 9.
Полка 6.
№ 20.
Библіотека Асташева.

Class PGR 2067
Book P2
YUDIN COLLECTION

Otъezzhee pole

ОТЪѢЗЖЕЕ ПОЛЕ

НА

МЕДВѢДЕЙ.

(ОХОТНИЧЬИ РАЗСКАЗЫ).

Е. ПРАКУДИНА-ГОРСКАГО.

МОСКВА.
Типографія М. Смирновой.
1865.

PG 3337
.P83O8

Дозволено Цензурой. Москва, 4 Мая, 1865 года.

I.

Главные коноводы.

Въ настоящемъ 1865 году, въ половинѣ февраля, съѣхалась ко мнѣ, изъ разныхъ странъ, небольшая компанія—охотниковъ, поохотиться на лосей.—Въ числѣ пріѣзжихъ находился одинъ мой хорошій пріятель—и охотникъ, котораго я назову просто Борисомъ, какъ называли его товарищи-студенты, потомъ товарищи по службѣ, а теперь многіе наши собраты, конечно, съ которыми Борисъ на ты.

Разсказъ нашъ будетъ совершенно охотничій: самый простой, безъ всякихъ прикрасъ, какъ это, по большей части, случается вособенности въ описаніи звѣриныхъ охотъ, гдѣ главную роль играютъ эффекты, но не правда; не факты, а вымыселъ, созданный фантазіей художника. Но мы не увлечемся и только опишемъ послѣдовательно, какъ мы поохотились нынѣшнюю зиму на медвѣдей, и каковы мѣста въ О....мъ уѣздѣ.

Но прежде всего не мѣшаетъ покороче познакомиться съ главными, по этой части, коноводами, а

именно съ Борисомъ и его стариннымъ другомъ Михаиломъ Павловичемъ Я—вымъ. Начнемъ съ перваго.

Борису за 40 лѣтъ, весь онъ сѣдой, плотнаго сложенія, съ большими сѣрыми, на крови, глазами и выразительнымъ лицемъ. Въ компаніи онъ любитъ покутить.—Это прямой, симпатичный, всегда ровный и серьозный человѣкъ.

Бываютъ минуты, гдѣ Борисъ незамѣнимъ, вособенности въ задушевномъ кружкѣ—охотниковъ. Его разсказы и мѣткія остроты, проникнутыя живымъ юморомъ, не рѣдко производятъ свои дѣйствія и многимъ не по вкусу. Истина всегда колетъ глаза; но онъ на это не обращаетъ вниманія:—остритъ себѣ, да такъ, не торопясь, и выскажетъ, не въ бровь, а прямо въ глазъ, сущую правду; однимъ словомъ, Борисъ человѣкъ бывалый, съ тактомъ, въ карманъ за словомъ не полезетъ и даромъ слова не истратитъ; а если скажетъ,—то все равно, что отрубитъ.

Борисъ вообще, а вособенности въ охотѣ олицетворенная аккуратность:— типъ флегмы охотника; онъ не увлечется до безумія никакимъ своимъ подвигомъ; его сердце и пульсъ всегда одинаковы; удачныя охоты вызываютъ улыбку и веселыя росказни; неудачныя, молчаніе и безпрестанное миганье глазами. Вообще фигура Бориса неповоротлива. Стрѣльба съ большой выдержкой, безъ горячки и всякаго хвастовства, свойственнаго охотнику-франту.

За то въ кругу охотниковъ, въ веселыя минуты, когда душа на роспашку, гдѣ круговая чара начнетъ ходить по рукамъ и аккордъ гитары сольется съ веселымъ хоромъ тамъ Бориса не узнаешь. Въ эти минуты онъ бываетъ неподражаемъ; вособенности, если запоетъ свои веселыя народныя пѣсни, которыя, къ сожалѣнію, мы не можемъ помѣстить, какъ неудобныя для печати. Всѣ его росказни натуральны и увлекательны тѣмъ, что разсказывая, онъ не улыбнется. Вотъ весь портретъ моего пріятеля.

По случаю, на этотъ разъ неудавшейся охоты, мы возвратились 14-го числа и пробесѣдовали въ моемъ кабинетѣ цѣлый вечеръ. Компанія наша состояла изъ москвичей и владимірцевъ, которые, не располагая пуститься въ-даль, вскорѣ уѣхали домой, а Борисъ и другіе остались до ночнаго поѣзда. Но, прежде всего, надо замѣтить, что мы собирались въ дальній отъѣздъ на медвѣдей, и въ этотъ же вечеръ было рѣшено куда и гдѣ мы соберемся.

Борисъ, не смотря на неудачную охоту, въ этотъ вечеръ былъ какъ-то въ духѣ; онъ сидѣлъ за столомъ и потягивалъ стаканчикомъ тетеревиновку (*). Мы ему усердно вторили. Гитара весело звучала, отрадно и тепло

(*) Наливка изъ брусники, названа тетеревиновкой потому, что ягоду эту любятъ молодые тетерева. Выраженіе чисто охотничье.

было на душѣ въ нашей безцеремонной компаніи; а еще веселѣе становилась бесѣда, имѣя въ виду обѣщанныя великолѣпныя охоты въ О....мъ уѣздѣ, о которыхъ Борисъ увлекательно и красно разсказывалъ намъ такія чудеса, что поневолѣ соблазнишься. Тутъ онъ передалъ намъ, что у его друга Я—ва обложено вѣрныхъ 13-ть медвѣдей, исключая другихъ, съ которыми набиваются окладчики. Правду-ли разсказывалъ нашъ коноводъ, мы узнаемъ послѣ; но онъ сильно приставалъ, именно ко мнѣ, упрашивая ѣхать, и въ доказательство показалъ нѣсколько писемъ Я—ва, въ которыхъ все прибывали новые, обложенные медвѣди.

Съ одной стороны, такое множество звѣря сильно соблазняло нашу компанію, вособенности меня, которому частыя лосиныя охоты приглядѣлись. Съ другой, я, признаться, не совсѣмъ вѣрилъ въ такое количество окладовъ: число, которое затронетъ хоть кого за ретивое.

Однакожъ, зная моего пріятеля за охотника правдиваго, я рѣшился не отставать отъ товарищей. Одно еще меня сбивало съ толку, вѣрить ли письмамъ Я—ва, забракованнаго и удаленнаго въ прошломъ году изъ М. О. О....ты, какъ неспособнаго и непонимающаго дѣла.

Кстати не мѣшаетъ замѣтить, когда Я—ву было отказано, тогда онъ оставилъ Москву и, будучи въ край-

ности, удалился на свою родину, верстъ за 400, въ родные темные лѣса Т....го и О....го уѣздовъ. Въ послѣднемъ онъ поселился и возобновилъ опять старое знакомство съ своими друзьями-медвѣдями и глухарями; съ ними онъ какъ будто сроднился и сблизился на всю жизнь.

Чтобы познакомиться короче съ личностью Михаила Павловича, мы скажемъ о немъ, какъ объ охотникѣ, безпристрастно нѣсколько словъ, въ полной увѣренности, что истые медвѣжьи любители нескоро найдутъ такого знатока и, увидѣвши его на дѣлѣ, постараются съ нимъ сблизиться. Говорю, какъ охотникъ отчасти опытный, понимающій охоту на звѣря, говорю то, что видѣлъ собственными глазами, какъ очевидецъ и участникъ нѣсколькихъ охотъ на медвѣдей, имъ устроенныхъ превосходно. И это не пуфъ, не какой нибудь вымыселъ, а голый фактъ, совершившійся такъ недавно и оставившій въ моей душѣ много пріятныхъ впечатлѣній. Ихъ то мнѣ и хочется передать вамъ, мои собраты, цѣликомъ, избѣгая всякой неправды.

Къ сожалѣнію, можетъ статься, и въ средѣ нашей братьи найдутся невѣрящіе и сочтутъ неумѣстной похвалой Я-ву. Пускай не безпокоются, мы его не восхваляемъ, но пишемъ то, что чувствуетъ душа истиннаго охотника. Да наконецъ, пускай спросятъ самихъ участниковъ, пускай испытаютъ сами, тогда все объяснится.

Но вотъ въ чемъ задача! Скорѣй многіе положатъ свой рѣшительный приговоръ и отвѣтятъ: «Знаемъ мы этого Михаила Павловича! Врядъ-ли онъ понимаетъ дѣло. Онъ даже не сумѣетъ натаскать молодую собаку, не сумѣетъ выбрать для общественной охоты болотъ (*). Ну какой-же онъ егерь? Онъ просто, такъ себѣ, горемыка—охотникъ!...» Такое мнѣніе будетъ отчасти справедливо; но въ отношеніи оклада звѣря и лѣсныхъ охотъ—совершенно ошибочно.

Михаилъ Павловичъ въ совершенствѣ опытный лѣсной охотникъ, но къ сожалѣнію лишенъ матеріальныхъ средствъ. Это бѣднѣйшій человѣкъ, существующій пустымъ, скуднымъ пенсіономъ за прежнюю военную службу. Бѣдность и нужда—его всегдашніе спутники. Они нерѣдко заглядываютъ къ нему въ окно, но онъ не унываетъ и молчитъ. Авось и на нашей улицѣ будетъ праздникъ! Была бы, братецъ ты мой, охота!... съ голоду не умремъ! Вотъ какъ онъ часто разсуждаетъ.

Посмотримъ кстати на его оригинальную наружность.

Михаилу Павловичу около 50-ти лѣтъ. Не по лѣтамъ крѣпка его натура. Онъ большаго роста, худощавъ и держится немного нагнувшись впередъ; такъ и видишь, будто онъ крадется съ своимъ одноствольнымъ ружь-

---

(*) Около Москвы, по большой части, пустыхъ.

емъ, подъ пѣсню глушня (*) во время весенняго тóка. Его сѣрые узенькіе гказки, постоянно прищурены, какъ будто они боятся посмотрѣть на свѣтъ Божій, его смуглое съ морщинами лицо, глядитъ какимъ то сентябремъ, пасмурно, точно оно на всѣхъ сердится. Вообще, вся его фигура неуклюжа; характеръ скоръ и обидчивъ, рѣчь грубая и отрывистая. Пускаясь въ разсужденія объ охотѣ, онъ приходитъ въ азартъ и, если что не по немъ, обругаетъ всякаго. За всѣмъ тѣмъ, самая добрая и честнѣйшая натура. Это совершенный лѣсовикъ. Выше природы и охоты у него нѣтъ ничего на свѣтѣ.—«Толи дѣло мой родной, какъ этакъ заберешься въ лѣсъ на глушней, да до тóку разведешь огонекъ, приляжешь, ну просто роскошь, такъ вотъ тебя и распаритъ! А тамъ вдругъ: теке! теке! текъ! текъ! (**)—и пойдетъ качать. Бывало вскочишь, да и въ ходъ». Такъ выражается Михаилъ Павловичъ, рисуя картину весенней ночи, когда онъ хаживалъ на токá.

У каждаго охотника бываютъ своего рода странности. Такъ и Михаилъ Павловичъ имѣетъ предразсудки, напримѣръ: онъ не терпитъ охотниковъ—франтовъ.—Это сансуфры мой родной! Чортъ-ли въ нихъ! восклицаетъ онъ съ азартомъ. Ненавидитъ богачей и аристократовъ

(*) Мѣстное названіе глухаря.

(**) Первоначальное щелканье глухаря на току.

Всякій бѣднякъ у него, долженъ быть хорошій человѣкъ. —То-ли дѣло нашъ братъ, по крайности не деретъ носу. А ужъ эти!.. Да ну ихъ! какіе они охотники!...—Скажи пожалуйста, Михаилъ Павловичъ, кого ты называешь сансуфры, и что это за слово? спрашиваю я. Да вотъ эти франты на тоненькихъ ножкахъ, со стеклышкомъ. А слово это что значитъ? немогу тебѣ растолковать. Я вѣдь кромѣ своего роднаго, никакого языка не знаю, а слышалъ, какъ одинъ такой франтъ, часто его повторялъ; вотъ я ихъ всѣхъ, съ тѣхъ поръ и прозвалъ сансуфрами. Вѣдь ты замѣть братецъ ты мой: этакой франтъ воображаетъ, что онъ такъ и родился въ сѣренькомъ сюртучкѣ, въ лаковыхъ сапогахъ и со стеклышкомъ въ глазу. И ужъ на нашего брата смотритъ съ презрѣніемъ, свысока; думаетъ, что они только и понимаютъ все, и умнѣе ихъ на свѣтѣ нѣтъ! А по мнѣ эти сансуфры—просто братецъ, дураки! Всякій мужикъ умнѣе сансуфра!

Если случится на охотѣ ночевать въ деревнѣ, или такъ отдохнуть; онъ ни за что не пойдетъ въ лучшую избу, а выбираетъ самую дурную на видъ, въ два окна, покосившуюся, съ подпорками съ одного боку. Если спросите его: почему онъ идетъ въ такую лачугу? онъ отвѣтитъ:—у меня братецъ, такое правило. Когда я бывалъ въ походѣ съ ротой, квартиргеры не смѣли мнѣ

отводить квартиръ въ богатой избѣ. Боже сохрани! зубы разобью! Ставь меня въ самую бѣдную изобку. Я знаю, что для бѣдняка каждый мой гривенникъ въ пользу. Онъ меня поблагодаритъ отъ души и съ благословеніемъ проводитъ. А богатый, сколько ему не дай, все мало, и не поругавшись съ нимъ, не разстанешься. Ты замѣчай: если въ деревнѣ одна изба ото всѣхъ отличается: большая, покрыта тесомъ — навѣрное подлецъ живетъ. Ужъ повѣрь, вся деревня ему должна. Онъ всѣхъ прижимаетъ, обираетъ и помыкаетъ, какъ своими крѣпостными!... Это ужъ вѣрно! Какъ богачъ, такъ и подлецъ!!!... Повѣрь ты мнѣ!

Такимъ образомъ разсуждаетъ всегда Михаилъ Павловичъ и убѣжденій своихъ никогда не измѣняетъ. Въ заключеніе всѣхъ странностей, которыхъ не перечтешь, мы скажемъ, что онъ весь вѣкъ не заводилъ себѣ двухствольнаго ружья. Стрѣлялъ и теперь стрѣляетъ изъ длинной одностволки, недавно передѣланной съ кремня на пистоны, и эту фузею называетъ любовницей.

— Такая, братецъ мой, это рѣдкостная штука на глушней, что размое почтеніе! Куда ваши новомодныя! Я изъ него дѣлалъ такіе выстрѣлы, что стыдно разсказывать охотникамъ!... не повѣрятъ!... скажутъ, врешь!... Еслижъ замѣтишь ему: «Все-таки, какъ можно ходить съ одноствольнымъ ружьемъ? Оно и опасно на звѣря!» Онъ отвѣтитъ:—нѣтъ, другъ любезный! не опасно! А

напротивъ, я бъ вашимъ московскимъ, знаменитымъ-то охотникамъ установилъ правило, чтобъ на облавахъ имѣли только по одноствольному ружью. Тогда бы они стрѣляли порядочно!... Когда я знаю, что у меня одинъ выстрѣлъ, такъ ужъ я его даромъ не выпущу; а они наставятъ около себя цѣлый арсеналъ, ну и жарютъ зря.... на авось! Я, вѣдь, бывалъ на ихъ лосиныхъ и волчьихъ охотахъ. Бывало, ходишь по окладу-то, слышишь, такая-то пальба откроется! Ну, думаешь, воза три наколотили!... Приходишь.... ничего!... А отчего это? Оттого, что у него зарядовъ много, онъ и не разсчитываетъ! А завидѣлъ, что-то въ лѣсу мелькнуло, и пафъ, пафъ, да и хватается за другое ружье. Не понимаю, какъ они до сихъ поръ ни одного мужика не убили вмѣсто медвѣдя или лося!

Что жъ касается штуцера, онъ говоритъ: намъ не покарману стрѣлять изъ сотенныхъ.

При такой скромности, Михаилъ Павловичъ показалъ себя совершеннымъ храбрецомъ. Каждый разъ ходитъ онъ въ окладъ, поднимать медвѣдя, не имѣя при себѣ не только ружья, но и рогатину считаетъ излишней ношей. «Куда мнѣ, братецъ, говоритъ онъ, по чащѣ-то съ этой обузой; въ другомъ мѣстѣ и порожній-то еле-еле вылезешь!» У него за поясомъ одинъ кинжалъ, да и тотъ съ трудомъ вытащишь изъ ноженъ.

Смотри, Михаилъ Павловичъ, задеретъ! Возьми-ка

ружье! упрашиваютъ его товарищи, когда онъ зашагаетъ въ средину оклады. А онъ только прищуритъ глаза, кисло улыбнется и, махнувъ рукой, молча отправляется будить своего страшнаго теску.

Къ этому-то оригиналу пригласилъ насъ Борисъ на медвѣдей.

II.

Отъѣздъ.

На другой день, 15 февраля, назначенъ былъ отъѣздъ изъ Москвы. Борисъ отправился впередъ, съ компаніей охотниковъ, имена которыхъ мы встрѣтимъ впослѣдствіи. Наканунѣ онъ поспѣшилъ уѣхать отъ меня съ тѣмъ, чтобы 15-го, на слѣдующій день, отправиться въ О....въ къ Я—ву, я же ближе вторника выѣхать не могъ, меня задержали кое-какія дѣла. 16-го я уже былъ свободенъ и собирался въ путь, бѣгая торопливо по своему кабинету, и укладывалъ все, что нужно было имѣть охотнику въ отъѣздѣ. Сборы мои продолжались не долго. Небольшой сакъ-вояжъ, набитый бѣльемъ, два штуцера въ чехлахъ, медвѣжья шкура для постели, да старая рогатина, оружіе при случаѣ необходимое отъ когтей Мишки. Вотъ все, что я взялъ съ собой.

Въ 10 часовъ утра простился я съ женой. Она по-

видимому трусила и, на прощанье, крестила меня, отпуская на ратоборство съ медвѣдями. Смотри! пожалуйста будь остороженъ! Да пиши, ради Бога. Перецѣловавъ всѣхъ моихъ ребятишекъ, изъ которыхъ два взрослые, также будущіе охотники, выбѣжали меня проводить на крыльцо, а самый младшій протянулъ свои ученки и заревѣлъ во все горло, такъ что мнѣ его невольно стало жаль. Я поспѣшилъ скорѣй сѣсть въ сани, куда приткнулся и Агей, мой рогатчикъ.

Черезъ четыре часа мы уже были на Перепечинской станціи, въ ожиданіи поѣзда изъ Владиміра на Москву. Наконецъ вотъ и поѣздъ. Прошло 5 минутъ, раздался кондукторскій свистъ, и мы полетѣли по чугункѣ. Вотъ и городокъ нашъ скрылся за лѣсомъ, мелькаютъ знакомые перелѣски, бѣгутъ назадъ поляны, деревни, будки, версты и телеграфные столбы—все это быстро уносится назадъ, мгновенно исчезаетъ въ густыхъ парахъ шумящаго локомотива. Прижавшись въ уголъ вагона, я сталъ думать, какъ я рѣшился на такую дальнюю экспедицію? Что-то будетъ впереди? Каково-то мы поохотимся на косолапыхъ, кого-то изъ насъ подеретъ Мишка? Вотъ чѣмъ занята была моя голова. Съ такими пріятными и непріятными ощущеніями я крѣпко заснулъ и проснулся у московскаго вокзала.

Черезъ часъ я очутился въ гостинницѣ Лондонъ, въ 23-мъ нумерѣ, у одного знакомаго охотника; съ нимъ я

и отправлялся вслѣдъ за отбывшей компаніей въ О....въ.

Петръ Викентьевичъ, такъ звали моего знакомца, будучи страстнымъ охотникомъ, на этотъ разъ поднялся раньше обыкновеннаго и, похаживая по залѣ, въ халатѣ и туфляхъ, отдавалъ приказаніе повару уложить съ собой въ дорогу и то и другое, а главное, побольше разныхъ холодныхъ закусокъ. Ружье и всѣ охотничьи принадлежности онъ укладывалъ самъ, не торопясь, съ величайшей аккуратностью. Петръ Викентьевичъ былъ охотникъ не молодой, а опытный, бывавшій неоднократно на звѣриныхъ охотахъ.

— Здравствуйте! Хорошо, что поспѣшили. Ѣдемъ! Наши вчера укатили, пожалуй всѣхъ перебьютъ! заговорилъ онъ шутливо, когда я вошелъ въ залу.

— Останется и на нашу долю! замѣтилъ я, протягивая руку хозяину.

— Посмотримъ! Однако безъ церемоній! будьте, какъ дома! Чего хотите: чаю или закусить?

Эй, подать чай! Да вели сдѣлать двѣ порціи ростбифа! приказывалъ онъ человѣку. Тотъ скрылся, и вскорѣ явился чай и ростбифъ съ кровью. Мы засѣли за столъ и принялись ѣсть, запивая доброй мадерой.

— Что-то будетъ. Какъ вы думаете? Неужели жъ въ самомъ дѣлѣ 13 медвѣдей! Просто неслыханное дѣло!.. Чортъ знаетъ, откуда такая пропасть!

— Сомнительно!

— Хоть половину обѣщаннаго!

— И на томъ помиримся!

— Посмотримъ! добавилъ онъ, вставъ изъ за стола, и началъ напяливать длинные охотничьи сапоги.

Ровно въ 2 часа, съ полуденнымъ поѣздомъ понеслись мы по пути на Вышній Волочекъ, и къ обѣду прибыли въ Тверь, тамъ плотно пообѣдали. Петръ Викентьевичъ успѣлъ обронить и лишиться 100 рублей серебромъ, и какъ я ни уговаривалъ дать депешу со станціи, онъ не согласился и, махнувъ рукой, утвердительно отвѣтилъ, напрасный трудъ! не отыщутся! пустяки! и снова заговорилъ о медвѣдяхъ, не изъявивъ никакого сожалѣнія о своихъ деньгахъ.

Была ночь, когда мы прибыли въ Волочекъ. Тотчасъ, не мѣшкая ни минуты, переложились въ почтовыя сани и, безъ отдыха, въ ночь пустились въ О....въ.

По почтовому тракту, отъ Волочка до города О....ва 120 верстъ. Дорога—шаромъ покати. Однако мы какъ ни расчитывали, по часамъ, успѣть на первую охоту и, какъ ни понуждали ямщика, все-таки опоздали и уже утромъ, усталые и сонные добрались до города.

На почтовой станціи мы получили записку Бориса. Онъ писалъ наскоро, передъ отъѣздомъ: «Пріѣзжайте въ Александровку, тамъ охота и стоянка 5 дней безвыѣздно.

Напившись чайку и похлебавши пустыхъ щей, мы снова ввалились въ сани и на свѣжихъ лошадяхъ отправились зимнякомъ, пролегавшимъ на нѣсколько верстъ моховыми болотами.

Тутъ нашъ ямщикъ, молодой, красивый парень, объяснилъ, что на разстояніи двадцати верстъ кругомъ отъ Александровки обложено много медвѣдей, это онъ вчера слышалъ, отвозивши господъ. Мы крайне обрадовались слухамъ, и чѣмъ ближе подвигались къ мѣсту, тѣмъ сбыточнѣе становились наши надежды.—Ступай! кричалъ я извощику. Нетерпѣніе увидѣть скорѣй Александровку, эту деревушку, кругомъ въ лѣсу, съ медвѣдями, росло съ каждымъ пригоркомъ, на которые мы взбирались шагомъ. Но было еще далеко. Почтовые, отмахавши 22 версты, нехотя тащили сани; оставалось проѣхать около 15 верстъ.

По обѣимъ сторонамъ зимника тянутся сплошь черные лѣса хвойныхъ насажденій. Преимущественно преобладаетъ ель въ смѣси съ сосной. Мѣстами проскакиваетъ до того частый березникъ съ молодымъ, хвойнымъ подсѣдомъ, что не просунешь руки. Кое гдѣ, на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, выдаются моховыя болота, поросшія рѣдкимъ, кудрявымъ сверху, соснякомъ. Когда мы проѣзжали болотомъ, не разъ, отъ шума нашихъ саней, вскакивали бѣлыя куропатки, перелетали стремглавъ дорогу и кидались мячикомъ въ снѣгъ. Рѣдко

гдѣ видны были небольшія полосы и поляны, а дальше, куда ни взглянешь, вездѣ темный, сплошной лѣсъ облегаетъ кругомъ на необозримое пространство. Вообще, вся мѣстность плоская, мѣстами низменная, болотная и непроходимая, съ выворочеными бурей лапами и валежникомъ. Всѣ эти груды, покрытыя снѣжной нависью, кажутся громадныхъ размѣровъ. Въ этихъ-то заломахъ залегаютъ съ осени медвѣди и, никѣмъ непотревоженные, остается вплоть до весны, до тѣхъ поръ, пока неподтаетъ и не сойдутъ изъ своихъ снѣговыхъ убѣжищъ, если только въ продолженіи зимы не наткнутся окладчики съ собаками; тогда, навѣрное, бѣдному Мишкѣ нѣтъ спасенія и онъ становится добычей охотника.

Проѣзжая зимникомъ, мы не могли достаточно налюбоваться этой, хотя угрюмой, но увлекательной для охотника лѣсистой мѣстностью. Охота въ ней должна быть великолѣпна, вособенности на медвѣдей, глухарей и рябцовъ. Удивительно, когда подумаешь, какое богатство заключается въ этихъ громадныхъ, сплошныхъ лѣсахъ, еще цѣлыхъ, не тронутыхъ. Какое охотничье сердце не забьется при видѣ такой роскоши и обилія дичи? Развѣ только одинъ московичъ, привыкшій топтать цѣлое лѣто подмосковныя болота, только онъ будетъ равнодушенъ и замѣтитъ: хороши мѣста! да чортъ ли въ нихъ, такая даль отъ Москвы!

— Каковы мѣстечки? заговорилъ Петръ Викентьевичъ, послѣ долгаго молчанія.—Какъ тутъ не быть медвѣдямъ? Посмотрите, что за заломы, просто непролезешь!

— Смотря по мѣстности, я теперь почти вѣрю Борису, отвѣчалъ я въ свою очередь, посматривая по сторонамъ. Просто чудо! я бы такъ и умиралъ съ ружьемъ. Взгляните-ка на лѣво-то, какова низинка! А?

Пока продолжался между нами подобный разговоръ, мы мало-по-малу приближались къ Александровкѣ. На дорогѣ попались намъ какіе-то прохожіе пильщики и, на вопросъ нашъ: далеко ли до Александровки? отвѣтили: небольше 2 верстъ; затѣмъ одинъ изъ нихъ сообщилъ, что сегодня какіе-то господа убили медвѣдицу и взяли 3 медвѣжатъ. Все это они узнали на пути отъ мужиковъ, возвращавшихся съ охоты. Досадно намъ было слышать эту новость, и мы, признаться, позавидовали, зачѣмъ насъ не подождали? Но одна мысль, что медвѣдей такая пропасть, насъ совершенно утѣшила, и мы, успокоенные ею, въѣхали въ Александровку.

III.

Александровка.

Вотъ и деревня! сказалъ нашъ ямщикъ, махнувъ по лошадямъ.

На улицѣ стояли мужики и тотчасъ же указали большую пятиоконную избу.—Тамотка господа стоятъ, у нашего старосты, Ягора Сафронача! кричали они, махая намъ на лѣво. При видѣ нашей квартиры, рѣзко отдѣлившейся отъ прочихъ крестьянскихъ избъ, невольно пришло на умъ замѣчаніе Я—ва. Тутъ мы встрѣтились съ хозяиномъ, который заранѣе лебезилъ около нашихъ саней и, высаживая насъ, униженно кланялся и извивался, какъ бѣсъ. Увидѣвши его, съ перваго раза можно было заключить, что это одинъ изъ тѣхъ ловкихъ мужиковъ, которые на сходахъ говорятъ за всѣхъ. Впослѣдствіи мы узнаемъ покороче Егора Сафроныча, а теперь пока поспѣшимъ къ нашимъ охотникамъ.

Вошедши на крыльцо, мы увидѣли на дворѣ подвѣшенную на перекладинѣ медвѣдицу, совсѣмъ застывшую, съ растопыренными лапами. Это былъ трофей первой охоты, 17 числа.

Въ просторной избѣ Егора Сафронова находилась наша передовая компанія. Еще въ сѣняхъ намъ слышался ихъ веселый говоръ и смѣхъ. Повидимому, рѣчь шла объ охотѣ на медвѣдицу. Въ тѣхъ же сѣняхъ, загроможденныхъ разнымъ хламомъ, въ углу сложены были штуцера и рогатины, а на помостѣ шумѣлъ неопрятный самоваръ, около котораго возилась молодая, смазливая бабенка въ валенкахъ на босую ногу. Она усердно раздувала угли и, въ тоже время, перемигива-

лась съ курчавымъ здоровеннымъ парнемъ, который сосалъ махорку изъ коротенькой трубочки, поплевывая сквозь зубы, и въ свою очередь пускался въ любезные разговоры съ молодухой. Парня звали Дмитріемъ. Осенью онъ занималъ должность доѣзжачаго, а зимой, при баринѣ, становился съ рогатиной и ружьемъ на медвѣдей.

Познакомимся же прежде всѣхъ съ его бариномъ, Алексѣемъ Александровичемъ А—вымъ, какъ съ страстнымъ и опытнымъ охотникомъ. Ему лѣтъ около пятидесяти. Это человѣкъ небольшаго роста, толстенькій, плечистый, съ сѣрыми глазами, короткой шеей и гладкой лысиной во всю голову, такъ что спереди нѣтъ и признака волосъ, только на затылкѣ и вискахъ едва уцѣлили рѣдкія пряди, да и тѣ посѣдѣли. За то борода, просто заглядѣнье!... Густая, окладистая и вся въ завиткахъ.

Алексѣй Александровичъ повидимому не лишенъ главныхъ достоинствъ: силы и здоровья и, ко всему этому, хорошихъ средствъ. При этомъ не лишнимъ замѣтить: живая струна его, охота съ гончими, которыя, говорятъ, дѣйствительно превосходны. «Такихъ собачекъ я не встрѣчалъ ни гдѣ! Музыка-съ!» говоритъ онъ всегда, гдѣ рѣчь идетъ объ охотѣ. «Слышишь ли, Дмитрій, разскажи-ка про нашихъ арлекиновъ.» Нечего и говорить, Лексѣй Лександрычъ, лучше нашей стаи не сыщешь! Какъ есть собака вся наподборъ! сухая, но-

гастая, почесь каждому волку въ шиворотъ, а ужъ на щотъ гоньбы, паратѣе не бываетъ! Такъ отвѣчаетъ всегда Дмитрій. И Алексѣй Александровичъ потираетъ отъ удовольствія свои пухлыя ручки и уже начинаетъ разсказывать такія чудеса, что только на удивленье.

Когда съ Петромъ Викентьевичемъ вошли мы въ избу, Алексѣй Александровичъ, въ бѣличьемъ тулупчикѣ, сидѣлъ на постелѣ, поджавши подъ себя ноги. Онъ привѣтливо протянулъ руку. Лицо его выражало полное довольствіе, глаза горѣли. Онъ тутъ же началъ разсказывать намъ, какъ вышла на него медвѣдица, и какъ онъ, подпустивъ ее на штыкъ, повалилъ съ одной пули.—Я всегда такъ стрѣляю!... прибавилъ онъ, увлекшись своимъ подвигомъ.

Рядомъ съ нимъ сидѣлъ поджарый господинъ. Звали его Николай Ѳедоровичъ. На немъ было надѣто кургузое пальто, съ свѣтлыми пуговицами и голубыми выпушками, по которому надо было догадаться, что это былъ никто иной, какъ горемыка землемѣръ. Николай Ѳедоровичъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ лицемъ самымъ простымъ и какъ будто сплюснутымъ съ обѣихъ сторонъ. Къ тому же постоянно открытый ротъ и взглядъ его сѣрыхъ большихъ глазъ дѣлаютъ все его лицо какимъ-то смѣшнымъ и страннымъ. Онъ постоянно улыбается и съ какимъ-то особымъ подобо-

страстіемъ относится къ Алексѣю Александровичу, который его привезъ съ собою на охоту, ради скуки.

Николай Ѳедоровичъ считаетъ себя также охотникомъ; но въ сущности онъ вовсе не охотникъ, а такъ себѣ, случайный господинъ, съ самыми холопскими ухватками.

Третій нашъ товарищъ и охотникъ, Дмитрій Яковлевичъ: молодой, пылкій медвѣжатникъ, въ прошломъ году, въ этой же мѣстности, побывавшій въ когтяхъ огромнаго медвѣдя; но не смотря на это происшествіе, онъ опять явился и получилъ еще сильнѣе страсть къ этой охотѣ. Въ заключеніе скажемъ еще о двухъ иностранцахъ, бывшихъ съ нами: — это артисты Итальнской оперы, не говорившіе ни слова по-русски. Одинъ изъ нихъ капельмейстеръ, синьоръ В—зи, другой теноръ А—ди; оба съ большимъ талантомъ смѣшить разными остротами и штуками. Они пріѣхали на охоту единственно изъ любопытства; впрочемъ и они охотники, хотя неопытные, но довольно храбрые, такъ что не соглашались ставить около себя никакой обороны. Вотъ все наше общество, которое мы нашли въ Александровкѣ въ избѣ старосты Егора Софронова.

Обратимся снова къ Борису и Михаилу Павловичу, какъ къ главнымъ дѣятелямъ по части медвѣжьихъ охотъ. Оба друга, по старинной привычкѣ, все это время были неразлучны. Они стояли на особой квартирѣ, у крестьянки Акулины, съ которой Михаилъ Павловичъ

обращался безъ всякихъ церемоній, называя иногда Акулинушка, родная и другими ласковыми именами. Еслижъ Акулина, по своей глупости, что-нибудь дѣлала не по немъ, то онъ не стѣсняясь принимался ее ругать по русски, и Акулина не смѣла сердиться. Поругаетъ, не бѣда; а за постой все-таки заплатитъ.

Дѣломъ Михаила Павловича были всѣ распоряженія въ лѣсу, какъ-то: повѣрка окладовъ, размѣщеніе стрѣлковъ на номера. Онъ же заводилъ облаву и ходилъ съ окладчиками поднимать медвѣдей. Въ хозяйственную часть, послѣ охоты, онъ не входилъ—ему необходимъ былъ отдыхъ послѣ тяжкихъ трудовъ, которые не каждый такъ вынесетъ, какъ выноситъ ихъ Михаилъ Павловичъ, по милости своей желѣзной натуры. Возвратившись изъ лѣса, весь мокрый, онъ выпиваетъ водки, пьетъ чай и, закуривъ коротенькую трубочку, идетъ полежать на печь. Въ это время Борисъ принимается за свое дѣло. Его часть хозяйственная, самая непріятная.

Постоянно, послѣ охоты, вечеромъ возия съ облавщиками, съ окладчиками и подводчиками, гдѣ не только радъ бы отдохнуть, послѣ охоты, но нѣтъ времени путемъ выпить чаю. А тутъ, глядишь, нагрянетъ цѣлая толпа мужиковъ и, по всегдашнему нахальству и жадности къ деньгамъ, непремѣнно вломится въ дверь, не смотря на запрещеніе ходить безъ дѣла въ избу. Если вы крикните: зачѣмъ васъ чортъ принесъ? Они на это

промолчатъ и начнутъ мяться; потомъ, пошептавшись между собой, вытолкнутъ одного краснобая, и тотъ начинаетъ говорить за всѣхъ. Потомъ вылезаетъ другой и, кланяясь, униженно заводитъ такую рѣчь: я, выходитъ, ваше сіятельство (такъ звали Бориса мужики), не получилъ платы; а ноня тоже гонялъ медвѣдичу, больно ужь умаялся! Другой, не давая кончить, пристаетъ: а я—ваше высокое происходительство, давя тащилъ мядвѣдичу; мы яе, какъ есть, выходитъ, на плячахъ.... больно тяжела,—замаялись; нябудетъ ли чаво, изъ милости?—А вотъ мы съ Ванюхой и полушубки-то испортили кровью, все тоже подсобляли! Чай и намъ сойдетъ что ни есть за хлопоты!

Такими вопросами, каждый вечеръ послѣ охоты, зазывали мужики Бориса, и съ каждымъ онъ долженъ былъ говорить, расчитываться, спорить, усовѣщивать и нерѣдко ругаться. Впрочемъ послѣднее бывало рѣдко и только въ крайности. Борисъ по обыкновенію сидѣлъ молча за столомъ и выслушивалъ просителей.

Предъ нимъ лежала куча мѣди, онъ дѣлалъ всѣ расчеты,—кому бумажками, кому мѣдью и тотчасъ-же вписывалъ въ расходную книжку стоимость охоты.—А просители стояли, потѣли и обтирались полами своихъ зипуновъ.

— Тебѣ что нужно? спрашиваетъ Борисъ, охрипшій отъ частыхъ столкновеній съ мужиками.

— Мнѣ-то, ваше сіятельство? переспрашиваетъ новая борода, въ лаптяхъ, съ мѣшкомъ за поясомъ.

— Ну да, тебѣ то?

— Намъ ничаво. Мы такъ..... только нябудетъ-ли што изъ цести, Барисъ Ляксаноцъ, тоже какъ есть, хлопотали для вашей милости.

Въ это время Михаилъ Павловичъ подымается съ печи и начинаетъ во все горло ругаться:—подлецы! ничѣмъ недовольны! стервы вы эдакія! Вонъ отсюда! Митька (*)! въ шею этихъ разбойниковъ! Какой поганый, неблагодарный народецъ! Ты ему, братецъ, что хочешь, онъ все свое! Подлецы эдакіе! Просто не имѣешь покою!

И Михаилъ Павловичъ снова умолкаетъ, закуриваетъ трубочку и лезетъ на печь. Но Борисъ невозмутимъ. Онъ не торопясь дѣлаетъ свое дѣло, остритъ съ окладчиками, которые помираютъ со смѣха и во всемъ съ нимъ соглашаются.

— Ну послушайка, какъ бишъ тебя, Иванъ, что-ли? Ты тащилъ медвѣдицу къ санямъ?

— Мы! Барисъ Ляксаноцъ!

— Что жъ тебѣ за хлопоты?

— А што пожалуешь!

— Ну на, на! Ты парень хорошій! говоритъ Борисъ и даетъ двугривенный.—Иванъ, взявши деньги, мнется и чешетъ въ головѣ.

(*) Слуга Я-ва, лѣтъ 60-ти старикъ.

— Мало, что-ли?

— Оно выходитъ не то што-бы мало, на евтомъ самомъ благодаримъ. Да вотъ больно прозябли, не сойдетъ-ли по стаканчику.

— И мы пособляли наваливать-то, подхватываетъ другая борода, протѣсняясь впередъ.

Вонъ ихъ, Митька! къ чорту! оретъ опять благимъматомъ Михаилъ Павловичъ и начинаетъ слезать съ печи.—Въ это время Акулина, слушавшая разиня ротъ, въ-мигъ исчезаетъ за перегородкой, крестится и шепчетъ: ма-тушки мои! Ишь ты расходился! Просители утихаютъ, и Михаилъ Павловичъ ложится снова на свое мѣсто; а Борисъ опять пускается въ разговоры съ мужиками.

— Нельзя-же имъ не заплатить, обращается онъ къ своему другу.

— Какъ-же, ваше сіятельство! вѣстимо хлопотали! И мы то-же при томъ случаѣ находились! повторяютъ другіе бороды, стоящія позади всѣхъ.

— За что-жъ вамъ платить-то, братцы? спрашиваетъ Борисъ.—За то, что погладили медвѣдицу, такъ и тутъ плати?

—Эхъ, Барисъ Лаксаныцъ! кажинному хотца. Мы и мядвядятъ-те несли изъ лѣсу! Тошно такъ, какъ есть несли! А тамъ въ вашемъ разсужденіи!!!

Въ такомъ осадномъ положеніи находился нашъ

артельщикъ (*) въ продолженіи ежедневныхъ охотъ.— Удивительно, какъ доставало у него терпѣнія по нѣскольку часовъ къ ряду возиться съ мужиками, которые, при всей своей глупости, непремѣнно стараются надуть и обмануть, единственно, съ цѣлью вытянуть лишній грошъ. Но Бориса трудно было поддѣть. Онъ постигъ мужичью натуру, такъ что всякая плутня выводилась на свѣжую воду, и они, довольные нашимъ артельщикомъ, уходили, оставляя его въ покоѣ.

— Нечего говорить,—разсудительный баринъ, всякаго, какова ни-на-есть мужика обласкаетъ! говорили они послѣ разсчета, вышедши изъ избы.

IV.

1-я охота на медвѣдицу.

Окончивъ разсчетъ съ мужиками, послѣ первой охоты, вечеромъ Борисъ съ Михайломъ Павловичемъ пришли къ намъ, чтобы условиться о завтрашней охотѣ. Намъ интересно было узнать съ Петромъ Викентьевичемъ и о прошедшей, на которой мы не участвовали.—Здѣсь Алексѣй Александровичъ разсказалъ еще подробнѣе, какъ происходила охота.

Во время разсказа, онъ подтрунивалъ надъ земле-

(*) Артельщикомъ мужики назвали Бориса.

мѣромъ, говоря ему:—Вы, батинька, просто струсили! Отъ чегожъ вы не стрѣляли звѣря подъ носомъ?—Помилуйте, Алексѣй Александровичъ. Во первыхъ.... (тутъ землемѣръ замялся) во первыхъ неловко, а во вторыхъ, я....—А во вторыхъ, вы, опять таки повторю—струсили! договорилъ неоконченное оправданіе землемѣра Алексѣй Александровичъ и самъ разразился громкимъ смѣхомъ.—Землемѣръ былъ уничтоженъ.

— Какъ есть струсили! Микалай Федарачъ! вмѣшался рогатчикъ Дмитрій въ разговоръ своего барина.—Сами-то не выстрѣлили, да и мнѣ-то помѣшали.—Ужъ я бъ ее полоснулъ!

— Полно хвастать-то! Развѣ можно стрѣлять по твоему, на авось, возразилъ запальчиво землемѣрт.

— Какое на авось? Стояла подъ носомъ, словно копна.—И право, словно копна! Кажется, если-бы только мнѣ—тутъ бы ей и быть.

— Что и говорить! Самъ-то ты, братецъ, струсилъ! упрекалъ землемѣръ Дмитрія.

Передадимъ теперь, со словъ самихъ участвовавшихъ, какъ происходила охота 17-го февраля:

Облава состояла изъ 80 человѣкъ. Всѣхъ охотниковъ было шестеро: 1-й № занималъ Дмитрій Яковлевичъ, 2-й—итальянецъ В-зи, 3-й А-ди,—4-й—Алексей Александровичъ, 5-й—Борисъ и 6—землемѣръ съ Дмитріемъ. Около часа прошло, какъ стали охотники на мѣста.

Давно уже кричала облава; но не слышно было сигнальнаго выстрѣла, означающаго, что звѣрь поднятъ. Вскорѣ пришелъ изъ оклада на линію Я-въ:—Что дѣлать, господа! не встаетъ, проклятая! стрѣляли дробью въ берлогу мы съ Гаврилой,—лежитъ себѣ и знать ничего не хочетъ. Нехотите ли идти бить ее на мѣстѣ? Но охотники не согласились, потому что ихъ было шестеро, а хотѣли, чтобы медвѣдица досталась тому, на кого нагонитъ ее судьба.—Онъ затѣмъ отправился опять въ окладъ, и медвѣдица вскорѣ была поднята кольями, которыми Михаилъ Павловичъ съ Гаврилой усердно зондировали берлогу, и вышла прямо на землемѣра, противъ котораго лежала толстая осина, поваленная вѣтромъ.—Медвѣдица пріостановилась близъ валежины, въ 20-ти шагахъ отъ храбраго охотника. Постояла нѣкоторое время и, повернувшись къ нему лѣвымъ бокомъ, тихо пошла около валежины. Охотникъ, сконфуженный, не нашелся выстрѣлить и опустилъ ружье, тогда медвѣдица дѣлаетъ прыжокъ въ чащу и идетъ по линіи отыскивать другаго чудака. Но она ошиблась въ разсчетѣ и вскорѣ появилась на № А-ва. Подпустивши на 12 шаговъ, онъ ударилъ ее въ грудь, и она ткнулась на мѣстѣ.

Вслѣдъ за выстрѣломъ вышли изъ оклада Я-въ и его спутникъ Гаврило съ тремя медвѣжатами, родившимися съ мѣсяцъ тому назадъ.—Медвѣдица была довольно большая: около 8-ми пудовъ вѣса. Вотъ все,

что мы знаемъ о первой охотѣ. Передаю со словъ самихъ участниковъ и излишнимъ считаю пускаться въ дальнѣйшія разсужденія, не бывши свидѣтелемъ на мѣстѣ. Но только слышалъ, что вся эта охота продолжалась не долѣе часа, что достаточно рекомендуетъ знаніе Я-ва и умѣнье выставить звѣря на охотниковъ.

V.

Толки о будущихъ охотахъ.

— Куда-же завтра? спросили мы Бориса, который до этого времени сидѣлъ молча и, по обыкновенію, насупившись, покуривалъ папиросу.

— Завтра—медвѣдь верстахъ въ 10-ти отсюда. Торопиться не слѣдутъ,... близко! А послѣ завтра,—въ 7-ми верстахъ медвѣдица съ дѣтьми. Только одинъ изъ нихъ лѣжитъ съ матерью, а другой отдѣльно,—верстахъ въ 4-хъ дальше. И медвѣжата должны быть годовалые, лончаки (*), отвѣтилъ Борисъ неторопливо и мигая красными отъ усталости глазами.

— Почему-же одинъ лончакъ отдѣльно? это какіе нибудь шашни окладчиковъ; стоитъ-ли платить за этого ягненка 30 рублей? сказалъ Алексѣй Александровичъ.

— Все это надѣлало общество.

(*) Лончакъ—годовалый медвѣженокъ.

— Какъ общество?

— Очень просто. Оно командировало сюда извѣстнаго Архипа. Я думаю, знаете этого плута! Онъ то и развратилъ эту сторону. Во первыхъ, набилъ страшную цѣну на оклады, тогда какъ въ прежнее время платили много-много 15 рублей за медвѣдя. А во вторыхъ, выучилъ многихъ окладчиковъ тѣмъ самымъ мошенническимъ штукамъ, которыя употребляетъ самъ для своихъ барышей. Конечно, такія продѣлки онъ творилъ съ неопытными охотниками, и ему это выгодно. Не его, а ихъ карманъ-то отвѣтитъ!

— Какъ-же это? спросили мы Бориса, заинтересованные.

— А вотъ какъ. Изъ одного, напримѣръ, оклада, гдѣ окажутся съ медвѣдицей лончаки въ одной берлогѣ, онъ сдѣлаетъ три. Понимаете?—Сгонитъ да и разобьетъ ихъ съ матерью врозь. Вотъ вамъ и три оклада! Говоритъ: у меня 3 медвѣдя! По неволѣ и платятъ по 30 рублей за какихъ то щенковъ! Вотъ каковъ Архипъ то! Впрочемъ здѣшніе не всѣ еще дошли до такого совершенства. Не всѣ еще съ нимъ снюхались! А ужъ гдѣ разъ побывала эта зараза, тамъ всѣ фокусы извѣстны. Онъ и здѣсь нюхалъ и напакостилъ бы навѣрное, если бы Михаилъ Павловичъ не предупредилъ задатками окладчиковъ Теперь онъ намъ нестрашенъ. Всѣ окладчики узнали Я—ва, и Архипу не удастся погрѣть руки.

— Подлецъ этотъ Архипка! отозвался горячо Михаилъ Павловичъ, сидѣвшій до этого молча. И началъ крикливо—представьте, господа, какая это бестія!!! И здѣсь хотѣлось ему надѣлать пакостей! Такая каналья, забрался сюда съ осени, да и снюхался съ вашимъ хозяиномъ Егоркой! Тоже мошенникъ страшный! На одну бы ихъ осину обоихъ. А подите-ка, выставляетъ себя главнымъ окладчикомъ. Повѣрьте, господа, ни одного медвѣдя самъ не обошелъ. И въ лѣсу-то, кажется, ни разу не былъ! Просто чужими руками жаръ загребаетъ. Теперь какую же отмочилъ штуку! Послушайте ка!... Подобралъ себѣ шайку, да просто нахрапомъ и влезъ въ долю къ этимъ дуракамъ. Вотъ увидите, какъ онъ ихъ облапошитъ. Оберетъ денежки за оклады, а тѣ такъ и останутся. Судись съ нимъ послѣ, а онъ вдобавокъ ихній староста. Эдакая стервоза! Терпѣть его немогу! закончилъ Михаилъ Павловичъ, съ азартомъ размахивая руками.

Послѣ горячихъ сужденій о прошедшей и будущей охотахъ, мы условились, въ которомъ часу завтра выѣхать. Борисъ съ Михаиломъ Павловичемъ ушли спать на свою квартиру, а мы съ вечера занялись протираньемъ и смазкой нашихъ штуцеровъ.

VI.

Егоръ Софроновъ.

Когда Борисъ и Михаилъ Павловичъ удалились спать, вошелъ къ намъ хозяинъ и молча остановился въ углу около печи. Пока мы вступимъ съ нимъ въ какой-бы то ни было разговоръ, взглянемъ попристальнѣе на его наружность.

На видъ Егору Софронычу лѣтъ за сорокъ. Это здоровенный, плечистый мужичина, съ черными, плутовскими глазами, густыми, черными волосами и окладистой съ просѣдью бородой.

Одѣтъ онъ былъ въ нагольный полушубокъ, выложенный для красы черным снуркомъ, и въ огромныхъ сапогахъ, голенищи которыхъ отъ ветхости до того осѣли внизъ, что изъ за нихъ виднѣлись грязныя портянки, а отъ сапогъ несло дегтемъ, какъ отъ подмазанной телеги.

Егоръ Софроновъ, какъ вліятельное лицо въ деревнѣ, вообразилъ себя настоящимъ хозяиномъ всѣхъ, обложенныхъ вблизи Александровки, медвѣдей. Цѣль его была понятна: получить за оклады хорошія деньги самому, въ свои руки, а настоящимъ окладчикамъ, трудившимся въ потѣ лица, дать изъ милости, что ему заблагоразсудится. Однимъ словомъ, понагрѣть порядкомъ руки, благо пріѣзжіе господа добрые, и денегъ у нихъ вволю,

лишъ только подавай имъ медвѣдей да и проси, что хочешь. Вотъ какими мыслями была преисполнена алчная душа Егора Софроныча. Но онъ горько ошибался въ своихъ разсчетахъ и надежды получить великія и богатыя милости были разбиты въ прахъ.

Настоящіе окладчики, пустившіе его въ долю изъ одного уваженія къ должности старосты, увидавъ всѣ плутни, страшно возопіяли и объявили Борису: «что ихъ староста Егоръ Софронычъ, хотя мужикъ и хорошій, а денегъ ему наруки давать не слѣдуетъ, потому что онъ самъ медвѣдей не окладывалъ, и, если попадутся къ нему денежки, то съ нимъ опосля ничего не подѣлаешь. И между ними пойдетъ развратъ и всякія, какія ни на есть, ссоры и судбища, потому что онъ самъ староста.»

Егоръ-же Софроновъ дѣйствовалъ по жидовски—и вашимъ, и нашимъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ показалъ себя тонкимъ плутомъ. Намъ говорилъ всегда одно, а когда выходилъ на улицу, шепталъ окладчикамъ другое, и послѣ снова входилъ къ намъ и начиналъ жаловаться и сплетничать на окладчиковъ, говоря:» ты имъ што хошь говори, а они все свое! Такіе, прости Господи, окоёмы! Вѣстимо, народъ грубіяны, ничего, какъ есть, съ ними не подѣлаешъ. Ужъ я имъ немало преставлялъ: Отдайте, молъ, робята, господамъ мядвѣдичу-то съ дятёнкомъ за тридцать серебра! А за другова-то, коего

особенно обошли, сдѣлайте имъ уваженіе. Годятча на предки! Извѣстно дѣло, хоша онъ, выходитъ, такой-же звѣрь, да маленькой. Какая въ немъ корысть-то? Такъ поди-же, слухать не хотятъ! Почали меня обзывать, такой сякой! Держишь, молъ, ты руку господъ, рай тебѣ жаль ихныхъ денегъ. Такъ съ тѣмъ плюнулъ, да уполъ. Просто острамили! Провались они совсѣмъ. Вотъ оно што! Поди, возжайся съ ними.»

За тѣмъ Егоръ Софроновъ снова уходилъ отъ насъ къ окладчикамъ пошептаться и тутъ-же говорилъ совершенно противное: «Мотри, робята! стой на своемъ, какъ сказано. Не сдавай цѣны. Коли дадите, молъ, 30 серебра за лончака, въ тѣ поры бейте и мядвѣдичу, а одну не отдадимъ! Сами, молъ, убьемъ, а то пропадай жа, вотъ-те и всё тутъ.»

Такого сорта былъ нашъ хозяинъ Егоръ Софронычъ. Сбивая настоящихъ окладчиковъ съ толку и выставляя себя противъ насъ угодникомъ, согласнымъ на всѣ наши предложенія, онъ хотѣлъ половить въ мутной водѣ рыбу; но ему это не удалось. Окладчики смекнули его штуки и, явившись лично къ намъ, тотчасъ же покончили дѣло. За медвѣдицу условились 30 рублей, а за отдѣльнаго лончака, что дадимъ на водку. При этомъ они прибавили. Еслибъ Егоръ Софроновъ ихъ не сбивалъ просить кругомъ по 30 рублей, то они-бы давно намъ уступили.

Когда толки о медвѣдицѣ съ отдѣльнымъ лончакомъ были кончены, Егоръ Софроновъ началъ выставлять себя первымъ охотникомъ—такова стрѣльца здѣся не найдешь, супроти меня! Мы всякую, какая ни на есть птица, бьемъ на полету. А ужъ нащетъ рябей, какъ есть, ни однова промаха не давали. Лѣтося.... спроси здѣся ково хошь—я убилъ 19-ть лосевъ. А однова, пули-то не случилось, такъ шарахнулъ желѣзнымъ шомполомъ, такъ и повалился, словно пить далъ. Тутъ онъ внесъ и показалъ намъ свое длинное, узенькое ружье, которое, кромѣ втораго взвода, становится и на третій—Для чегожъ у тебя третій-то взводъ? Спросили мы у Егора Софронова—А для тово самава третій-то взводъ, коли съ втораго не сдастъ, то поставишь на третій Мы отъ души расхохотались. А рогатчикъ Дмитрій замѣтилъ: —твое ружье, братецъ, годится на шкворень; ты посмотрика, какіе у господъ ружья-то!—Что̀ за ружьи! Супроти мово ничаво они не стоютъ! Наше-то ударитъ на полтораста сажень; коли хошь, заутро опосля охоты, испробуемъ! Куда велишь, туда и потрафимъ.

Слушая наглое бахвальство Егора Софронова, мы прямо могли заключить, что онъ, ни болѣе ни менѣе какъ хвастунъ, желающій выказаться охотникомъ передъ нами. Съ перваго же вечера довѣріе къ нему было потеряно: сказаніе Михаила Павловича вполнѣ подтвердилось, а утромъ Дмитрій, ходившій съ нимъ

испытывать искуство въ стрѣльбѣ и достоинство трехъ-взводнаго ружья, разсказалъ намъ, какъ Егоръ Софроновъ, стрѣлявши въ 30 шагахъ, не попалъ въ ворота.

Было уже поздно, когда ушелъ Егоръ Софроновъ. Охотники наши всѣ давно покоились сномъ. Одному только мнѣ не спалось, что всегда бываетъ на охотѣ и на новомъ мѣстѣ. Мнѣ мерещились медвѣди, окладчики, Егоръ Софроновъ съ ружьемъ объ трехъ взводахъ. Всё это мелькало предо мной, какъ на яву; я ворочался съ боку на бокъ и, укутавшись потеплѣе, только что началъ заводить глаза, какъ слышу въ тишинѣ соннаго царства довольно внятный говоръ: «Вотъ она! береги! Медвѣдица! Дмитрій!—рогатину! У-у-ухъ!!!» Къ этимъ возгласамъ я началъ прислушиваться и болѣе ничего не могъ понять. Это былъ бредъ во снѣ Алексѣя Александровича, который съ вечера такъ настроилъ свое воображеніе, что даже во снѣ охотился.

VII.

Опять медвѣдица.

Утромъ 18-го числа, часовъ въ 7-мь, мы поднялись, напились чаю, позавтракали и, зарядивши, со всѣми малѣйшими предосторожностями, наши штуцера, ожидали совсѣмъ готовые Бориса. Михаилъ Павловичъ съ оклад-

чиками давно отправился впередъ повѣрить окончательно окладъ и заранѣе назначить мѣста для 8-ми №№.

Спустя съ часъ, совсѣмъ готовый, въ своей бѣлой папахѣ, явился Борисъ.

— Не пора-ли? Подводы готовы! Мы вышли и начали размѣщаться по двое на каждыя сани. Между тѣмъ наши рогатчики укладывали рогатины и сами садились на заднія подводы. Послѣ всѣхъ усѣлся не торопясь и Борисъ, онъ, по обыкновенію, спросилъ, окидывая глазами всѣхъ:—Готовы что-ли?—Готовы! прокричали мы. — Осмотритесь, не забыли ли чего? Потомъ, обратясь къ людямъ:—Рогатины уложили? закуску, водку? и такимъ образомъ перечислялъ всѣ принадлежности охоты, а иногда терпѣливо поджидалъ кого-либо изъ неуспѣвшихъ собраться охотниковъ. Эта снисходительность хотя и замедляла отъѣздъ, но она только прибавляла удовольствія, тѣмъ что не стѣсняла ни чьихъ привычекъ. Вособенности чувствуется выгода этой неспѣшности, когда припомнишь нѣкоторыя охоты, гдѣ я участвовалъ и гдѣ главное лицо въ охотѣ до того торопило отъѣздъ, что случалось: одинъ не успѣетъ допить стакана чаю, другой забудетъ что нибудь необходимое, а часто, выйдя изъ избы послѣднимъ, останется безъ подводы и черезъ то не попадетъ на охоту.

Наконецъ раздался свистокъ Бориса, и поѣздъ тронулся по большой дорогѣ къ лѣсу.

Медвѣдь лежалъ верстахъ въ 11-ти отъ Александровки. Проѣхавши нѣкоторое разстояніе большой дорогой, мы своротили въ лѣвую сторону, переѣхали довольно большое поле и потащились лѣсомъ. Черезъ полтора часа подводчики наши остановили лошадей. Михаилъ Павловичъ, съ толпой облавщиковъ, дожидался насъ на дорогѣ. Вся эта сѣрая дружина стояла молча, опираясь на здоровые колья.

— Ну что? прошепталъ Борисъ, обратившись къ своему пріятелю, который разставлялъ облавщиковъ по солдатски, въ двѣ шеренги.

— Готово! Окладъ-самый маленькій. Этотъ живо поднимется, только пожалуйста стойте смирнѣй! За тѣмъ онъ пошелъ впередъ и каждому изъ насъ указалъ, приготовленныя заранѣе, мѣста. Въ это же время облава начала заходить. 1-й № занялъ Петръ Викентьевичъ. 2-й В-зи. 3-й землемѣръ. 4-й Алексѣй Александровичъ. 5-й Борисъ. 6-й Дмитрій Яковлевичъ. 7-й А-ди и 8-й, послѣдній, я. Когда линія была заставлена стрѣлками, Михаилъ Павловичъ не медля удалился и исчезъ въ чащѣ.

Вскорѣ грянулъ въ окладѣ сигнальный выстрѣлъ, и страшный шумъ разразился впереди насъ.... Въ самой крѣпи оклада Михаилъ Павловичъ, съ двумя окладчиками, напирая по слѣдамъ на вскочившаго медвѣдя, благимъ-матомъ орали: у! у! Куда!.. Сначала потревожен-

ный звѣрь замахалъ скачками и ударился на правое крыло облавы, которая тотчасъ-же, усиленнымъ шумомъ, завернула его назадъ.—Вота! Вота! У! у! у! Береги!— Въ этотъ моментъ я переглянулся съ своимъ сосѣдомъ и въ ожиданіи звѣря прислонился къ ёлкѣ. Прошло минутъ пять тревожнаго ожиданія. Вдругъ что то захрястѣло въ чащѣ, и вслѣдъ за тѣмъ грянулъ выстрѣлъ.... другой и, спустя нѣсколько мгновеній, третій.

Чрезъ №, отъ меня вправо, стоялъ Дмитрій Яковлевичъ. На него паралельно впереди линіи бѣжалъ медвѣдь въ перевалку, и онъ послалъ ему пару пуль; звѣрь перемахнулъ валежину и опрометью бросился на 5-й №. Подпустивши его шаговъ на 12, Борисъ изловчился и ударилъ. Въ одно мгновеніе съ выстрѣломъ звѣрь рявкнулъ одинъ разъ и плашмя растянулся, судорожно потряхивая головой.

— Готовъ! вскрикнулъ Борисъ и въ туже минуту поспѣшилъ съ рогатиной докончить, но было поздно, медвѣдь издохъ. Досадно, возразилъ побѣдитель: неудалось обновить рогатину! Приколи, еще дышетъ! сказалъ кто то ему.

— Очень нужно портить шкуру! отвѣтилъ онъ. Тутъ всѣ охотники сошлись къ убитому звѣрю и начали осматривать пули.

Здѣсь изъявлена была легкая претензія Дмитріемъ Яковлевичемъ на то, что Борису не слѣдовало съ своего

мѣста подаваться впередъ линіи, что будто бы это помѣшало ему убить звѣря на своемъ №. Борисъ же на это отвѣчалъ:—я подался для того, что впереди были два дерева, за которыми я могъ укрыться отъ звѣря, иначе я былъ бы весь на виду, и тѣмъ объясненіе кончилось безъ всякихъ споровъ и сужденій.

По осмотрѣ ранъ, нанесенныхъ звѣрю, оказалось слѣдующее: одна пуля попала въ нижнюю челюсть и выбила коренной зубъ, другая пронизала нижнюю часть брюха. Съ такими ранами медвѣдь легко могъ прорвать стрѣлковъ, скрыться въ чащѣ и прожить до глубокой старости. Оба первые выстрѣла принадлежали Дмитрію Яковлевичу. Третья рана, покончившая звѣря на мѣстѣ, пробила грудь, и мы тутъ же поздравили Бориса съ несомнѣнной побѣдой. Можетъ быть, Дмитрій Яковлевичъ въ душѣ былъ не слишкомъ доволенъ, но онъ, какъ охотникъ и человѣкъ деликатный, не показалъ и тѣни неудовольствія. Было бы смѣшно и претендовать на товарища, тѣмъ болѣе, что звѣрь, хотя и раненый, но шелъ полнымъ ходомъ, и не стрѣлять его было бы Борису непростительно. По осмотрѣ оказалось, что это была средней величины чернобурая медвѣдица, молодая, породы стервяниковъ. Тутъ подошедъ Петръ Викентьевичъ и, смѣясь, сказалъ:—мнѣ не нравятся подобныя охоты: не успѣешь взвести курковъ, какъ кричатъ: *готовъ*! даже не испытываешь сильныхъ ощущеній,

Дѣйствительно, въ этотъ разъ мы стояли на линіи не долѣе 10-ти минутъ.

— Я, господа, охочусь 30 лѣтъ и не видывалъ, чтобы охоты дѣлались такъ ловко, скоро, вѣрно! сказалъ восторженно Алексѣй Александровичъ.

— А я, отвѣчалъ Петръ Викентьевичъ, встрѣчаю перваго въ жизни такого мастера охотника, какъ Михаилъ Павловичъ.

Вскорѣ за тѣмъ вышелъ изъ оклада и самъ Я-въ. Посмотрѣвъ на убитую медвѣдицу и пошевеливъ ее своей ногой, замѣтилъ съ сожалѣніемъ.—Что это за звѣрь! Вотъ кабы того-то чертушку! такъ это было бы важно!!!

— Зарылся, братъ, тебѣ все хочется не медвѣдя, а лѣшаго!!! У тебя какой-то Собакевичевскій вкусъ. Женщина, какъ бы хороша ни была, да если она не здоровецъ, какъ онъ выражается, такъ никуда не годится, отвѣтилъ Борисъ, обратившись съ послѣдними словами къ намъ. И взваливъ штуцеръ на плечо, поперъ вслѣдъ за охотниками къ санямъ.

Вскорѣ мы возвратились въ Александровку и, пока сѣли за столъ и принялись за горячія щи, медвѣдицу подвезли къ окнамъ и сложили на обычное мѣсто, противъ избы, гдѣ до самыхъ сумерекъ толпились мужики, поворачивая съ боку на бокъ покойницу.

VIII.

Медвѣдица съ лончаками.

Весь этотъ вечеръ, послѣ охоты, мы провели чрезвычайно пріятно между неумолкавшими ни на минуту разговорами объ охотахъ. Всего интереснѣе были наши Итальянцы. Они приходили въ восторгъ отъ медвѣжьихъ охотъ и такъ развернулись, что цѣлый вечеръ смѣшили насъ до упада. Чего тутъ не было! и пѣніе, и декламація, и цѣлый оркестръ, который изображали сами собой, съ различными жестами и звуками, синьоры— В-зи и А-ди. Все это было выполнено мастерски двумя артистами. Болѣе всего намъ понравилось смѣшное и чрезвычайно-натуральное представленіе ими Итальянскаго театра-маріонетокъ. Это верхъ совершенства! Вособенности, когда они выступаютъ на сцену, вытягиваютъ руки и, какъ куклы на пружинахъ, начинаютъ скакать другъ къ другу, сталкиваясь плечами. Послѣ театра являлся на сцену бѣдный Савояръ съ своей пѣсней и вертячимъ инструментомъ, который замѣнялся поднятымъ на плечо стуломъ, а правая рука В-зи вертѣла въ воздухѣ, какъ-будто играя—пѣсню родины. Все это было исполнено такъ натурально и съ такимъ комизмомъ, что вечеръ пролетѣлъ незамѣтно. Съ та-

кими товарищами-весельчаками въ деревнѣ, въ глуши нельзя соскучиться; это находка, какую нечасто встрѣтишь въ другое время.

Но здѣсь декорація должна перемѣниться. Съ приходомъ Бориса, который на этотъ разъ явился позднѣе, по случаю толковъ и сдѣлокъ съ окладчиками о завтрашней медвѣдицѣ съ лончаками, все умолкло, ожидая съ нетерпѣніемъ, какіе сдѣланы распоряженія для предстоящей охоты?

— Завтра у насъ въ одинъ день двѣ охоты, сказалъ Борисъ, обращаясь къ намъ:—Первая на медвѣдицу съ лончакомъ; а другая, по окончаніи первой, на отдѣлившагося. Конечно, если успѣемъ управиться. Хоть и нѣтъ ничего лестнаго для охотника дѣлать облаву на щенка, да у насъ есть небывалые, такъ имъ, для дебюта, хорошо убить и маленькаго!

Время быстро летѣло. Далеко уже было за полночь, когда мы разстались съ Борисомъ. На этотъ разъ, утомившись, мы крѣпко заснули и проспали бы пожалуй до самаго обѣда, если бы не вошелъ къ намъ поваръ Петра Викентьевича съ кипящимъ самоваромъ, который поставивши на столъ, принялся тутъ же приготовлять водку и разныя холодныя закуски. Всё это вмѣстѣ поставлено было на одномъ столѣ и потому такъ рано, что мы въ этотъ день хотѣли сдѣлать двѣ охоты; а главное: прострѣлить нѣкоторые штуцера, промыть ихъ и

привести въ совершенно надежное положеніе, что было исполнено не медля послѣ завтрака.

19-го утромъ, въ 9-ть часовъ, по свистку нашего коновода, тѣмъ же порядкомъ мы отправились по дорогѣ къ деревнѣ Ефановой, за 5 верстъ отъ Александровки.

За деревней, въ верстѣ, видѣнъ былъ сплошной березникъ съ еловымъ подсѣдомъ. Въ немъ былъ окладъ медвѣдицы съ однимъ изъ лончаковъ. Проѣхавши задворки, мы свернули влѣво, переѣхали рѣчку и цѣликомъ поѣхали тѣсной тропой. Оставалось протащиться полверсты, съ большими препятствіями, этой узенькой лѣсной дорожкой, до того неудобной для проѣзда, что во многихъ мѣстахъ приходилось поднимать тонкія наклоненныя деревца и вѣтви березника, ударявшія по глазамъ. Съ головы до ногъ осыпало насъ глыбами снѣговой нависи, мы поминутно отряхивались, щурились, а главное берегли глаза, кутаясь съ головами въ шубы.

Наконецъ, кое какъ выбравшись на поляну, сей-часъ увидали Михаила Павловича. Онъ поднялъ руку вверхъ, это означало слезать съ саней и тотчасъ къ дѣлу.

Номера охотниковъ тронулись, 1-й №, съ прихода, опять достался Петру Викентьевичу. 2-й—Борису. 3-й—землемѣру. 4-й—мнѣ. 5-й—А—ди. 6-й—В—зи. 7-й—Алексѣю Александровичу и послѣдній, 8-й—Дмитрію Яковлевичу.

Пока заходила облава, сосѣдъ мой съ лѣвой стороны

(землемѣръ), давно ставшій на свой №, немогъ угомониться. Онъ то обминался и топталъ ногами снѣгъ, то кашлялъ и принимался вслухъ болтать съ мужикомъ рогатчикомъ.

Вотъ, думаю, послалъ Богъ сосѣда! что это такое будетъ, если онъ не уймется? Пожалуй испортитъ всю охоту! Въ это время Михаилъ Павловичъ возвращался по линіи и, пріостановившись у меня перевести духъ отъ усталости, шепнулъ:—ты, братецъ мой, на самой пятѣ. Непремѣнно будетъ тутъ, не зѣвай.

— Какое будетъ тутъ, обратился я къ нему шепотомъ. Взгляни, куда залезъ этотъ господинъ. Онъ дѣлаетъ чортъ знаетъ что!... болтаетъ съ мужикомъ и, вонъ погляди, хочетъ дѣлать папиросу. Уйми его, какъ распорядитель!

Землемѣръ, однако, не пронялся и даже обидѣлся за совѣтъ Михаила Павловича, который ему тутъ-же сдѣлалъ замѣчаніе за безпорядки.—Станьте на ваше мѣсто! Вы мѣшаете сосѣду и въ добавокъ все шумите!

— Я не шумлю и никому не мѣшаю! отвѣчалъ вслухъ нахальнымъ тономъ землемѣръ и, указавъ на меня, прибавилъ:—я удивляюсь, чего они хотятъ отъ меня? Я нехуже кого нибудь понимаю самъ охоту! Михаилъ Павловичъ взбѣсился, молча махнулъ рукой и поспѣшилъ по линіи къ облавѣ, гдѣ его дожидались окладчики. А землемѣръ еще кропотался и, повидимому,

на зло мнѣ перемѣнилъ мѣсто, подавшись шаговъ 6-ть впередъ линіи и остановившись за корягой, (*) снова принялся растабарывать съ мужикомъ. Такія дѣйствія землемѣра противны были не только всѣмъ правиламъ охоты, но отзывались просто невѣжествомъ и незнаніемъ приличія. Я готовъ былъ бросить свой № и уйдти къ санямъ, закаявшись навсегда охотиться съ подобными господами, которые изъ серьезной охоты, гдѣ каждый моментъ дорого обходится охотнику, дѣлаютъ какую-то игрушку.

Вскорѣ послѣ безпорядковъ на линіи, Михаилъ Павловичъ изъ угла въ уголъ сновалъ въ окладѣ, отыскивая берлогу. Окладчики дружно покрикивали. Собаки изрѣдка отзывались, почуя близость звѣря. Облава также шумѣла, но медвѣдица не вставала; вѣроятно ей жаль было разстаться съ медвѣженкомъ, жаль оставить теплый пріютъ чащи, занесенной со всѣхъ сторонъ страшной глыбой снѣга. И вотъ наконецъ наткнулись! Смотрятъ, вскочила.—Вотъ и слѣдъ прямо въ чащу, слышится внятный разговоръ Михаила Павловича съ окладчиками. —Михаилъ Павловичъ! мотри! кричитъ Гаврила, торкая

(*) Послѣ онъ оправдывался тѣмъ, что хотѣлъ укрыться и потому нарушилъ линію. Но ему было доказано, что онъ не имѣетъ права переходить съ мѣста на мѣсто, тѣмъ болѣе что и тамъ была коряга, гдѣ онъ былъ оставленъ распорядителемъ.

палкой по чапяжу. Вотъ и мядвяжонокотъ пошелъ! Эвана слѣды-те! Гони дружнѣй, робятушки! у-у-у! у-у-у! Кри-и-чи, правое крыло!!! у! у! у!—раздавался въ окладѣ страшный крикъ Михаила Павловича, который нежалѣлъ горла и ногъ, лазая поколѣно по надуламъ и чащамъ. Нѣсколько разъ медвѣдица, преслѣдуемая лаемъ собаки, давала знать охотникамъ, гдѣ и куда она брала направленіе. Путешествуя въ осокѣ, она бросалась на облаву, потомъ, поворачивая вкрутѣ, изчезала въ чащѣ, дѣлая отчаянные скачки чрезъ валежникъ, которымъ рѣшительно заваленъ былъ весь окладъ. Съ быстротой увертываясь между всѣми препятствіями, она шла такъ быстро, что лончакъ не успѣвалъ за матерью и путался по ея слѣдамъ. Иногда онъ пріостанавливался, обнюхивалъ мѣсто, гдѣ пролезла мать, и пускался слѣдомъ въ догонку. Прошло съ полчаса. И вотъ, наконецъ, она замелькала въ чащѣ березника и, повернувъ быстро, пошла съ лѣвой стороны прямо къ моему нумеру. Усмотрѣвши ее еще въ дали, я приготовился. Сердце забилось такъ сильно, какъ будто хотѣло выпрыгнуть изъ груди. Я нажидалъ дорогую гостью на 10-ть шаговъ. Панъ или пропалъ! думаю себѣ, а ужъ даромъ пули не истрачу. Едва я успѣлъ знакомъ показать Агею, чтобы онъ приготовился съ рогатиной въ случаѣ неудачнаго выстрѣла, какъ въ глазахъ мелькнулъ опять тотъ-же ненавистный сосѣдъ. Онъ стоялъ

у меня впереди, какъ бѣльмо на глазу! я стиснулъ зубы, увидавши, что тотъ медленно и уже заранѣе поднимаетъ штуцеръ. Одна секунда, и мое великолѣпное поле изгажено! Съ этимъ вмѣстѣ грянули его выстрѣлы, и медвѣдица, отвернувшись, пустилась большими скачками впередъ по линіи. Онъ ее промазалъ въ догонку на 25 шаговъ и своими выстрѣлами сбилъ съ направленія къ моему нумеру. Видя, что она отвернула и пошла на утекъ, я выбралъ прогалину и немедля ударилъ ее въ правый бокъ. Мнѣ было видно, что я попалъ; видѣлъ, какъ она перекатилась клубомъ и исчезла въ чащѣ. И тутъ опять землемѣръ не выдержалъ. Онъ бросился съ своего мѣста и, вспомнивши вѣроятно вчерашнее выраженіе, когда упалъ звѣрь, во всю глотку заоралъ: *Готово!* убита! Вотъ какъ у насъ!!!...

—Убили, да не вы! сказалъ я разгоряченный.—Нѣтъ я! А не вы!!! Кричалъ онъ, карабкаясь и падая въ снѣгъ.

Тутъ я забылъ всѣ правила охоты и, увлекшись, сбѣжалъ самъ съ своего №. Я думалъ найти медвѣдицу раненной отъ моей пули и послать ей на мѣстѣ другую. Но увы! каково же было разочарованіе, когда я увидалъ пустое мѣсто. Медвѣдицы уже не было: она оправилась и ушла, какъ ни въ чемъ небывало.

Во время рѣзкихъ объясненій съ сосѣдомъ, который вообразилъ себя побѣдителемъ медвѣдицы, Борисъ

не вытерпѣлъ и закричалъ:—не стыдно-ли тебѣ, Егоръ Сергѣичъ! Ты старый охотникъ и дѣлаешь самъ безпорядокъ! Зная, что лончакъ въ окладѣ, ты сходишь съ мѣста!!!

Борисъ былъ вполнѣ правъ, мнѣ стало совѣстно. Я глупо и безумно увлекся и вполнѣ созналъ ошибку. Но скажите, гг. страстные охотники, есть-ли возможность воздержаться и не надѣлать глупостей, имѣя передъ носомъ подобнаго господина, который старается не убить, а изъ трусости угнать звѣря? Мнѣ было стыдно самаго себя, совѣстно Бориса и всѣхъ товарищей! Я проклиналъ землемѣра, проклиналъ случай, поставившій меня въ такое противное сосѣдство! Я рѣшительно имѣлъ намѣреніе съ нимъ объясниться и просто потребовать отвѣта: на чемъ онъ основывался, дѣлать такія непріятности человѣку, котораго онъ видитъ почти первый разъ? Но я увлекся.... Не осуждай меня, читатель (конечно, охотникъ!!!). Кто не дѣлаетъ въ жизни промаховъ. Не всѣ могутъ быть Борисами!

Спустя нѣсколько минутъ послѣ нашихъ выстрѣловъ и фальшивой тревоги, на правомъ флангѣ линіи снова грянули выстрѣлы и раздался радостный крикъ крайнихъ облавщиковъ.

— Вонъ она ужъ гдѣ! сказалъ мнѣ Агей, поставивъ, къ березѣ рогатину, какъ ненужную вещь. Словно кошки заскребли на сердцѣ, когда я выслушалъ правду своего рогатчика.

И дѣйствительно, медвѣдица наткнулась на послѣдній № Дмитрія Яковлевича и легла на мѣстѣ отъ двухъ его пуль въ грудь и подъ лопатку. Этой послѣдней онъ покончилъ только ея страданія.

Узнавши, что медвѣдица готова, мы однако нерѣшались оставить своихъ №№. Лончакъ еще продолжалъ таскаться, по слѣдамъ матери, которая для него уже не существовала. Собака гоняла въ окладѣ. Окладчики спѣшили скорѣй вытолкуть его на нумера. Все это продолжалось нѣсколько минутъ. Надо было опять стоять смирно.

Но и тутъ не обошлось безъ потѣхи, и опять тоже съ землемѣромъ. Зная, что другой звѣрь ходитъ въ окладѣ, слыша передъ собою лай собаки, онъ вздумалъ на своемъ лазу прохлопывать пистонами свой выстрѣленный штуцеръ. Потомъ сходитъ съ своего № и отправляется прямо на № Бориса. Тотъ обомлѣлъ—что вамъ надо?!..— Дайте, батинька, огонька, закурить папироску. Эта послѣдняя продѣлка выходила изъ границъ и возмутила всю линію.... Многіе лишились удовольствія нетолько стрѣлять по лончаку, но даже и увидать его на нашихъ №№. Онъ былъ отогнанъ опять къ правому флангу и на слѣду своей матери убитъ наповалъ счастливцемъ, повалившимъ медвѣдицу.

Здѣсь охота была окончена. По линіи сходились охотники. Облавщики тащили два окровавленные трупа,

матери съ дитенкомъ. Вотъ вышелъ, безъ шапки, весь въ поту, Михаилъ Павловичъ и, поздравивъ съ полемъ, улыбнулся и принялся за бутылку съ квасомъ. Тутъ многіе напустились на землемѣра. Онъ стоялъ, какъ уличенный школьникъ, и, хлопая безсмысленно глазами, еще имѣлъ настолько дерзости,—сталъ оправдываться и самъ обижаться, что у него, будто-бы, отжилили медвѣдицу.

— Какъ честный человѣкъ, она мной убита! кричалъ онъ нахально.

— Какимъ же образомъ вами? Вы стрѣляли въ задъ, а у ней пули спереди! уличали охотники спорщика.

— Ну ей Богу-же медвѣдица моя, и въ боку мои пули!

— Ваша пуля въ соснѣ, а другая въ неизвѣстности! Сказалъ Борисъ съ разстановкой, возвратившись съ изслѣдованія. И тутъ же обратился къ Алексѣю Александровичу. Нельзя-ли посовѣтывать Николаю Федоровичу, на будущее время, не дѣлать безпорядковъ на линіи. Помилуйте, Алексѣй Александровичъ! Вы сами охотникъ! Можно-ли расхаживать по линіи, шумѣть и прохлопывать пистонами, когда звѣрь въ окладѣ? Какая-же у насъ послѣ этого будетъ охота?

Алексѣй Александровичъ не оправдывалъ землемѣра и отвѣтилъ Борису.—Я вполнѣ раздѣляю ваше негодованіе. Впрочемъ, будьте увѣрены, я ему посовѣтую

просто отправиться домой. Зачѣмъ же онъ будетъ портить наши охоты?

— Чтожъ, господа, обратился къ намъ Михаилъ Павловичъ, теперь отправимся добивать послѣдняго изъ семьи.

— Не стоитъ, отвѣтилъ Алексѣй Александровичъ. Вы видите, какого роста убитъ его братъ, стоитъ ли онъ выстрѣла? А вотъ что, возмемте-ка его живьемъ.

Предложеніе такой оригинальной охоты было принято съ восторгомъ. Рѣшено оставить штуцера въ саняхъ и вооружиться: однимъ — веревками, а другимъ срубить развилины вродѣ употребляемыхъ въ сѣнокосъ.

Исполнивши эти приготовленія, немедля отправились къ окладу, въ числѣ 12-ти человѣкъ, считая охотниковъ и отобранныхъ ловкихъ мужиковъ, а остальныхъ облавщиковъ отпустили домой.

Проѣхать надо было верстъ 5-ть цѣликомъ до оклада съ большимъ трудомъ. Сообразивши всѣ, могущія встрѣтиться на пути, препятствія, мы съ Петромъ Викентьевичемъ согласились, лучше пожертвовать этой охотой, тѣмъ болѣе и извощикъ нашъ объявилъ прямо, что пожалуй не доѣдешь; лошади и такъ уже измучены, слѣдовательно, надо было возвратиться, но товарищи наши порѣшили непремѣнно, во что-бъ ни стало, отправиться. Тутъ мы разстались и, повернувъ назадъ, вскорѣ прибыли въ Александровку.

Прошло уже нѣсколько часовъ, а компанія еще не возвращалась. Вѣроятно, думаемъ, экспедиція не удалась? Однако къ вечеру она возвратилась, къ удивленію нашему, не съ пустыми руками.

Ну что? спросили мы Бориса съ нетерпѣніемъ, когда онъ и всѣ прочіе вошли въ дверь.

— Привели на веревкѣ, какъ собаку, отвѣтилъ онъ. Въ это время двое окладчиковъ насильно втащили лончака къ намъ въ избу; онъ былъ смиренъ и, повидимому, удивлялся, что съ нимъ такое дѣлалось.

Тутъ они разсказали намъ подробно всю продѣлку. Лончакъ лежалъ подъ корнемъ вывороченнаго дерева. Его окружили и стали сходиться до тѣхъ поръ, пока кружокъ сошелся локоть къ локтю. Медвѣжонокъ вскочилъ и началъ пробираться подъ стволомъ дерева, но его усмотрѣли, и одному изъ охотниковъ удалось схватить за заднюю лапу, но вытащить его онъ не могъ, потому что тотъ ухватился передними лапами за какой-то сукъ и старался вырваться. Въ одинъ моментъ захлеснули за ногу веревку, взялись за нее трое и, выправивши другую заднюю лапу, связали съ первою. Тогда, общими силами рванувши, вытащили его наружу, гдѣ нѣсколько рукъ вцѣпилось ему въ шиворотъ и въ уши. Сначала завязали ему морду, потомъ шею и, развязавши ноги, пустили, взявши конецъ веревки. Онъ безъ всякаго принужденія самъ опередилъ вожака и

шелъ передъ нимъ, какъ ученый, выбирая себѣ протоптанную тропу.

Долго мы любовались и наблюдали всѣ штуки этого забавнаго медвѣженка, онъ ходилъ на веревкѣ, какъ собака, и повиновался во всемъ мужику, который его привелъ, но на прочихъ косился, а на собакъ бросался и силился поймать обѣими лапами.

Въ этотъ самый вечеръ, послѣ охоты, веселые наши товарищи Итальянцы собирались ѣхать совсѣмъ. Одинъ отправлялся въ Петербургъ и отъ туда въ Парижъ, а другой въ Москву. Жаль было намъ съ ними расставаться, они оба были хорошіе и пріятные собесѣдники на охотѣ и рѣшительно безъ всякихъ претензій.

За ними вслѣдъ собрался и землемѣръ домой. Онъ, конечно-бы, остался, но, видя, что ему никто не сочувствуетъ и не уговариваетъ, весьма хорошо понялъ неловкое положеніе оставаться долѣе, да и тѣмъ болѣе, самъ Алексѣй Александровичъ безъ церемоніи ему сказалъ.—«Послушайте, Николай Федоровичъ! Я васъ уважаю, какъ добраго моего сосѣда, но откровенно вамъ долженъ сознаться, что вы охотникъ плохой! Наше общество, въ нынѣшнюю охоту, осталось вами крайне недовольно. Возможно-ли позволять себѣ такія вольности, какъ напримѣръ прохлопываніе пистонами и ходьба по линіи за огнемъ. А потому примите мой

дружескій совѣтъ, уѣзжайте домой.»... Землемѣръ не сопротивлялся.

Тотчасъ ему были наняты лошади, и въ эту же ночь, ко всеобщей нашей радости, онъ уѣхалъ изъ Александровки, все таки въ полномъ убѣжденіи, что у него отжилили медвѣдицу.

VIII.

Окладчики Василій и Иванъ.

По отъѣздѣ Итальянцевъ и землемѣра, отъ нечего дѣлать, я ушелъ въ избу къ Борису, чтобы узнать: на котораго мѣдвѣдя и въ которомъ часу мы выѣзжаемъ въ лѣсъ?

Вхожу и встрѣчаю, тоже что и вчера, всѣхъ нашихъ окладчиковъ, явившихся за приказаніемъ на завтра. Борисъ сидѣлъ молча на своемъ мѣстѣ въ красной рубашкѣ и, покуривая папироску, прихлебывалъ холодный чай. На столѣ стоялъ давно потухшій самоваръ, бутылка съ водкой и самая простая закуска изъ чернаго хлѣба съ солью. Михаилъ Павловичъ, уставшій съ охоты, отдыхалъ почти въ растяжку на печи внизъ животомъ. Лакей Дмитрій, по старинной привычкѣ дворецкаго, заложивши обѣ руки за спину, стоялъ на вытяжкѣ и, плотно прислонясь спиной къ перегородкѣ, дремалъ преспокойно. Въ избѣ тишина и страшная

духота отъ мужиковъ, которые стояли молча въ ожиданіи, что скажетъ имъ артельщикъ.

Приходъ мой въ избу вывелъ Бориса изъ молчанія, онъ поднялъ голову.

— Ну что, проводили землемѣра?

— Только что уѣхалъ!

— Ну и Богъ съ нимъ! А Итальянцевъ жаль. Славные ребята, только не потѣшились! Теперь послушайте-ка, братцы! Обратился онъ къ окладчикамъ. Давайте поскорѣй разсчитаемся за нынѣшнюю охоту, а то завтра рано вставать. Да надо рѣшить, на котораго ѣхать. Вмигъ изба оживилась. Окладчики зашевелились и даже дремавшій Дмитрій открылъ глаза и шмыгнулъ всей пятерней по заспанному лицу.

Вскорѣ всѣ расчеты были окончены, дошло дѣло до отдачи денегъ.

— Егоръ что-ли получитъ? Спросилъ Борисъ, считая, кому сколько.

— Нѣтъ ужъ, Борисъ Ляксаныцъ. Сдѣлай-таку Божеску милось, раздѣли ты насъ по своему, примѣрно по ровной цасти кажинному. А то Ягоръ Софроныцъ обидитъ. Поди судися съ нимъ опосля.

Въ это время вошелъ въ дверь Егоръ Сафроновъ и, видя, что окладчики получаютъ прямо по рукамъ по ровной части, съ неудовольствіемъ принялъ и свой пай. Намъ евдакимъ манеромъ будетъ обидно, ваше благородія?

Борисъ на это замѣтилъ:—вѣдь васъ 7-мь паевъ, слѣдовательно и получите по ровной части.

— Ну да отдавай, какъ знаешь, у насъ опосля будетъ своя дѣлежь! Мы и до конторы дойдемъ. Унасъ судьбы много будетъ! чай и я хлопоталъ! Если бы знали, не полѣзли-бы въ энту учась! И съ этими словами пошелъ вонъ изъ избы.

— Полно, Егоръ Сафронычь, грѣшить-то, вѣдь умирать надоть. Табѣ даютъ долю, хошь бяри, хошь нѣту, энто въ твоемъ расзужденіи: заговорили окладчики, а вмѣстѣ съ тѣмъ благодарили Бориса, говоря:—дай Богъ тебѣ добраго здоровья, что раздѣлилъ ты насъ какъ есть по божески, а то бы ентотъ мироѣдъ всѣ наши хлопоты заѣлъ.—Вѣстимо заѣлъ-бы, какъ есть, повторяли другіе.

Когда вся эта партія вывалила изъ избы, надо было кончить съ другими окладчиками о будущихъ охотахъ. —Эти славныя ребята оба! И отлично знаютъ свое дѣло, сказалъ Михаилъ Павловичъ, приподымаясь и слезая съ печи, когда два мужика вышли на средину и поклонились въ поясъ.

Оба они были одѣты въ лохмотья, обуты въ лапти и имѣли торбы съ хлѣбомъ за плечами. Они только что возвратились съ повѣрки своихъ окладовъ и явились еще мокрые. Одинъ изъ нихъ былъ худощавый рыжеватый мужикъ съ рѣдкой бородой, звали его Ва-

сильемъ. А другой, не большаго роста, черноватый, по имени Иванъ.

— Ну что ребятушки? какъ наши дѣла? Спросилъ нашъ Егермейстеръ.

— Слава-те Господи! Михала Павлыцъ, дѣла наши, нашто лучше!

— Повѣрили?

— Какъ есть! я и окладъ обрѣзалъ, какъ ты приказалъ, отвѣтилъ Иванъ.

— А у тебя, Василій, какъ?

— У меня, Михала Павлацъ, великонекъ окладъ. Самъ знаешь, звѣрь гонной, на третье мѣсто переходитъ. И радъ бы вседущно этакъ поменѣ мѣстецко, да опасно, не спужнуть-бы!

— А берлогу знаешь?

— Ну энтава завѣрить не могимъ, въ середку не ходили! сгонишь! И такъ немало было хлопотъ-те. Почесь двѣ недѣли маялся, пригналъ ажъ изъ за Волги, за 80 верстъ. Да ужъ и звѣрина-же! Кажись, отродясь такихъ не видывали. Ужастенный такой, инда страсть, какъ почнетъ гдѣ махать-то!

Слушая разсказъ Василія, Михаилъ Павловичъ пріятно улыбался и отъ удовольствія потиралъ руки, восклицая: вотъ это скотинка! Ахъ! кабы намъ повалить этого здоровца! Да улежитъ ли, какъ думаешь, Вася?

— Надо бы улежать. Мѣсто крѣпкое. Богъ милостивъ, какъ нибудь приспособимъ!

— Слѣдовательно, завтра на него, а тамъ подвинемся къ Сонскому (*). Къ тебѣ, Иванъ!

— Ладно, Михала Павлыцъ! отвѣтилъ Иванъ. И у насъ звѣрь настоящій; свово мы знаемъ, гдѣ и ляжитъ. Мѣсто преотмѣнное; если Богъ дастъ, охоту исправимъ. И, подошедши къ Михаилу Павловичу, шепнулъ на ухо. хоша я и невидалъ свово-то, а по перемаху (**) думаю, больше евтаго.

Затѣмъ окладчики поклонились и ушли на квартиру. Когда я возвратился къ себѣ, товарищи мои давно уже легли, но еще не спали; я передалъ имъ весь разговоръ съ окладчиками. Ну, господа, завтра охота не на шутку! Мы ѣдемъ на такого чорта, какихъ здѣсь окладчики отъ роду не видали. Говорятъ, страсть!...

— Великолѣпно! возразилъ Алексѣй Александровичъ, привставши съ постели и протирая глаза.

IX.

Медвѣдь великанъ.

Утромъ, 20-го февраля, облава въ количествѣ 170 человѣкъ загонщиковъ собралась въ Александровкѣ подъ

(*) Сонка деревня, въ чьей дачѣ былъ медвѣдь.

(**) Перемахомъ называется разстояніе одной ступни отъ другой во время его хода.

окнами избы, гдѣ квартировали наши коноводы. Михаилъ Павловичъ, давнымъ давно былъ на ногахъ и хлопоталъ съ особеннымъ рвеніемъ, какъ бы устроить охоту, чтобы дѣдушка не улизнулъ изъ оклада, не получивши хорошаго свинцоваго гостинца.

Съ такимъ благимъ намѣреніемъ онъ, не мѣшкая, отправился впередъ, осмотрѣть мѣстность и заранѣе сообразить, куда долженъ медвѣдь пойти отъ шума облавы. За Михаиломъ Павловичемъ тронулись и облавщики. Они должны были дожидать нашего пріѣзда за полъ версты отъ мѣста.

Окладъ гоннаго медвѣдя, по словамъ многихъ, великана, на котораго мы точили зубы, былъ весьма обширенъ и берлога въ оступѣ неизвѣстна. Все это требовало величайшей осторожности и сметливости, завести кричанъ, чтобъ не подбудить его съ новаго логова, ибо по большей части гонный медвѣдь лежитъ на слуху, не зарываясь въ глубину снѣга. На этотъ же разъ было не такъ. Онъ лежалъ тутъ болѣе мѣсяца. Михаилъ Павловичъ, который поднялъ его съ берлоги, разсказалъ намъ послѣ оходы. «Удивительно, братцы! что это за медвѣдь! Настоящій архитекторъ. Представьте себѣ! отъ продушины устроилъ онъ себѣ сажени на полторы какой-то тротуаръ изъ лапника и уложилъ его такъ ровно, какъ по шнуру. Для чего онъ это сдѣлалъ, чортъ его знаетъ.» Главное неудобство заключалось въ большомъ

окладѣ и маломъ количествѣ ружейниковъ, (конечно, охотниковъ опытныхъ, не такихъ, какъ бывшій землемѣръ.) Съ подобной обстановкой много трудовъ и усилій стоитъ распорядителю и окладчикамъ выставить звѣря на линію стрѣлковъ, тѣмъ болѣе, что медвѣдю трудно разслышать, гдѣ именно нѣтъ шума и куда ему безопаснѣе броситься на утекъ. Онъ слышитъ гамъ вездѣ и суется, какъ опьянѣлый по окладу до тѣхъ поръ, пока его не прижмутъ и насильно не вытолкнутъ на линію. Тогда онъ уже дѣйствуетъ рѣшительно: или идетъ на проломъ, чтобъ прорвать цѣпь, или прямо въ упоръ лезетъ на охотника. И горе тому, кто не положитъ его на мѣстѣ, а, всего хуже, нанесетъ легкую рану!

Такая невыгодная перспектива заставляла заранѣе подумать и обсудить наше положеніе, однимъ словомъ, оградить себя отъ всякой опасности побывать въ объятіяхъ почтеннѣйшаго дѣдушки-давилы; къ тому же въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ возможности поворотиться съ рогатиной.

Разсуждая такимъ образомъ, мы уже подъѣзжали къ окладу. Дорога, извиваясь мелколѣсьемъ, вывела насъ на обширное чистое моховое болото. За мхомъ сейчасъ начиналась уйма: въ ней былъ обойденъ Васильемъ гонный медвѣдь, окладъ котораго былъ въ краю лѣса, вблизи болота.

Тутъ мы остановились и нашли облаву, собравшуюся

въ кучу. Михаилъ Павловичъ, повидимому, больше всѣхъ прошлыхъ охотъ былъ озабоченъ. Ему не нравилось мѣсто.—Ужь право не знаю, хорошо ли будетъ стрѣлкамъ? Такая чаща! а другаго никакаго лаза рѣшительно нѣтъ!

— Не лучше ли на болото, попробовалъ спросить Алексѣй Александровичъ.

Михаилъ Павловичъ на это рѣзко отвѣтилъ.—Чортъ ли ему велитъ, дьяволу, лезть изъ лѣсу на гладь! Нѣтъ, ужь лучше становитесь на просѣку, хотя и часто, да всежъ таки есть прогалинки!

Затѣмъ онъ сморщился и обернулся къ облавѣ, которая, построившись въ два ряда, ожидала его приказанiй. Слушайте же, ребятушки! Заходить осторожно, не зѣвать по сторонамъ и дѣлать, какъ приказано! Потомъ онъ скинулъ свою мохнатую шапку и трижды осѣнилъ себя крестомъ. Облавщики тоже поснимали шапки и всѣ крестились.

— Ну, Василiй! маршъ въ обходъ, я къ тебѣ буду скоро!!!.

Василiй молча зашагалъ впереди, за нимъ длинной вереницей потянулись вслѣдъ кричане.

Торжественна и страшна была эта безмолвная, какъ тѣнь, движущаяся картина, окруженная отовсюду глыбами снѣговъ. Воинственны были лица облавщиковъ, шедшихъ съ кольями и топорами, какъ будто вся эта ватага готовилась штурмовать неприступную крѣпость·

Между тѣмъ Михаилъ Павловичъ велъ насъ по линіи и молча, знакомъ глазъ, указывалъ номера, написанные на снѣгу заранѣе.

Расположеніе номеровъ было слѣдующее: 1-й Дмитрій Яковлевичъ съ рогатчикомъ, съ которымъ тутъ же сталъ Дмитрій (*) съ ружьемъ. 2-й Петръ Викентьевичъ. 3-й я. 4-й Борисъ. 5-й Алексѣй Александровичъ, съ другимъ своимъ рогатчикомъ Васильемъ, который тоже былъ съ ружьемъ. Въ такомъ порядкѣ разставилъ насъ по № № Михаилъ Павловичъ, удалился и вскорѣ скрылся, заворотивъ по окладу.

Больше часу происходила мертвая тишина. Кругомъ такъ было спокойно, что не шевелилась ни одна вѣтка, будто вся эта мертвая природа погрузилась въ оцѣпенѣніе. Мы томились ожиданіемъ, стоя на своихъ номерахъ. Наконецъ грянулъ вдали оклада сигнальный выстрѣлъ и все заходило ходуномъ. Но медвѣдь не вставалъ, онъ обслушалъ со всѣхъ сторонъ гамъ облавы и затаился на логовѣ. Спустя долгое время, однакожъ, раздался другой сигнальный выстрѣлъ, означавшій, что звѣрь поднятъ. Дѣйствительно, медвѣдь вскочилъ и началъ ходить въ срединѣ оклада. Ему было много мѣста для прогулки, онъ могъ бродить свободно, не показываясь на линію, гдѣ грозила ему

(*) Человѣкъ Алексѣя Александровича, поставленный безъ № — чтобъ расширить болѣе линію стрѣлковъ.

опасность; нѣсколько разъ порывался онъ уйти чрезъ облаву, но дружный крикъ возвращалъ его снова въ средину. Эти маневры продолжались болѣе 5 часовъ. Мы томились. Малѣйшій шорохъ вблизи чащи указывалъ, что Великанъ преспокойно похаживалъ у насъ передъ носомъ, но мы его не могли видѣть; вездѣ впереди была крѣпь и валежникъ, поваленный другъ на друга. Нѣсколько разъ дѣлались совершенно фальшивыя тревоги появленіемъ зайцевъ, которые, испуганные шумомъ, набѣгали на охотниковъ и, присѣвши на корточки, стремглавъ бросались въ сторону, — а великанъ не показывался. Мы теряли рѣшительно всякое терпѣніе.

Но вотъ, наконецъ окладчики наткнулись. Онъ отдыхалъ въ чащѣ.... У—у—ухъ! И пошла работа

Недавая ему ни на минуту отдыха, Михаилъ Павловичъ съ Васильемъ, Иваномъ и другими окладчиками, сильно стали напирать на дѣдушку, что ему очень наскучило, онъ усталъ и безпрестанно садился отдыхать, потомъ живо вскакивалъ и снова пускался путешествовать, преслѣдуемый лаемъ собаченки, которая подавала голосъ тогда, когда онъ ей показывался издали. Прохаживаясь такимъ образомъ вдоль линіи, звѣрь наконецъ показался правѣе 1-го № и прямо выставилъ громадный лобъ Дмитрію; остановился и началъ поводить носомъ кверху. Дмитрій Яковлевичъ,

видѣвшій его, ожидалъ, пока онъ приблизится, чтобы выстрѣлить не на авось; но Дмитрій, невыдержавъ, ударилъ въ массу, просто неразбирая, во что онъ прицѣлился; вмѣстѣ съ выстрѣломъ послышался страшный трескъ и медвѣдь пропалъ. Вскорѣ онъ въ окладѣ опять наткнулся на одного окладчика, который замахнулся дубиной и отвернулъ его въ сторону, но и этимъ звѣрь не пронялся, онъ быстро ударился на лѣвое крыло облавы, вынесся на чистое моховое болото и, видя облавщиковъ, замахавшихъ кольями, перекинулся назадъ и изчезъ снова въ чащѣ. Попробовавши и-тамъ и-сямъ прорваться, онъ успѣлъ вездѣ высмотрѣть и рѣшился упорно держаться въ окладѣ. Между тѣмъ вечерѣло; въ лѣсу уже были сумерки, дѣлать было нечего. Мы потеряли надежду; не только убить хитреца, но и увидѣть его не представлялось возможности.

Тутъ надо было дѣйствовать рѣшительно на авось. Послѣднее средство представлялось, двинуть облаву къ номерамъ, что тотчасъ-же было исполнено. Но и эта попытка оказалась безуспѣшной. Облавщики тронулись и сбились въ кучу. Глубокій снѣгъ и страшныя чащи разрушили эту живую преграду—и охота была окончательно испорчена.

Михаилъ Павловичъ, весь мокрый и взбѣшенный, чуть-чуть не плакалъ. Онъ ругался, топалъ по снѣгу ногами и едва тащился по линіи, измученный.—Ничего,

братецъ, не сдѣлаешь съ этимъ проклятымъ чортомъ! Сказалъ онъ, подошедши къ моему №. Нечего больше дѣлать! надо ѣхать домой! ночь на дворѣ!

Борисъ, услыша нашъ разговоръ и видя, что охотники собираются оставить свои мѣста, сходитъ съ своего № и идетъ прямо ко мнѣ. Послушай, говоритъ онъ: можешь себѣ вообразить, что онъ былъ около меня и сидѣлъ въ 12 шагахъ! каково! — Вотъ что значатъ ваши правила: не сходить шагу съ своего мѣста!!!— Вчерашняя исторія съ землемѣромъ и твоя претензія— вотъ что помѣшало мнѣ повалить этого дьявола!!! А звѣрь-то какой! Я такихъ не только не видывалъ, а даже не воображалъ, что такіе бываютъ, просто слонъ какой-то или носорогъ.

— Какъ? Что ты говоришь, я тебя непонимаю, Борисъ? спросилъ я его, смутившись и видя, что онъ не на шутку сердится.

— Я не хотѣлъ нарушить ваше глупое правило и черезъ это лишился медвѣдя!... Я считалъ себя не вправѣ подвинуться три шага впередъ, гдѣ я-бы стоялъ за корягой, какъ за ширмами, и медвѣдь меня-бы не замѣтилъ!

— Да вѣдь ты его видѣлъ на двѣнадцать шаговъ, не стыдно тебѣ было не стрѣлять?

— Ахъ, какой ты странный, Егоръ Сергѣичъ! съ сердцемъ замѣтилъ Борисъ, начинавшій сердиться. Точно

ты меня не знаешь! Развѣ-жь я люблю палить на авось, кое какъ! Хочешь, чтобъ я билъ звѣря, не разбирая, куда стрѣляю. Нѣтъ, братъ, спасибо! Если бы я выстрѣлилъ наугадъ, то ему сдѣлать ко мнѣ два прыжка—и онъ бы былъ на мнѣ.

— Ну ужъ я бы непремѣнно ударилъ. Чтобъ тамъ ни было!

— Да какъ же-бы я ударилъ? когда онъ остановился на секунду и мнѣ видна была одна огромная черная масса. Конечно-бы, я стрѣлялъ, да эта проклятая загородка (*) помѣшала. Я только что вскинулъ штуцеръ и выправляю его изъ-за ёлокъ, какъ онъ повернулся и исчезъ. Чортъ знаетъ, какая обида! заключилъ онъ сердито.

Пока Борисъ разсуждалъ о своей неудачѣ, подходитъ Алексѣй Александровичъ, тоже съ недовольнымъ лицомъ, и тутъ же изъявляетъ претензію на самого Бориса за то, что будто онъ безвременно сошелъ съ линіи и началъ разговаривать съ солдатомъ, чѣмъ самымъ помѣшалъ медвѣдю выйдти, будто бы, на его №. Но солдатъ, выйдя изъ оклада, объявилъ о уходѣ

(*) Загородка изъ срубленныхъ елокъ, чтобъ укрыться отъ звѣря, сдѣлана была слишкомъ высока, что самое помѣшало Борису вскорѣ поймать медвѣдя на цѣль. Въ этомъ отчасти причиной я; этотъ № принадлежалъ мнѣ, но я былъ переставленъ правѣе, а Борисъ стоялъ на моемъ.

медвѣдя изъ ѐсока, чему повѣривъ и видя охотниковъ, оставившими свои мѣста, онъ рѣшился на тоже.

Алексѣй Александровичъ сильно надулся и съ неудовольствіемъ разсказалъ, что медвѣдь былъ отъ него въ чащѣ въ нѣсколькихъ шагахъ и вѣрно бы вышелъ, если бы Борисъ не разговаривалъ съ солдатомъ. А человѣкъ его Василій подтвердилъ, что ему были видны до половины ноги медвѣдя, когда онъ пріостановился въ чащѣ, по его выраженію, толстыя, какъ брёвна. Не знаю, на сколько все это справедливо: что медвѣдь именно стоялъ близко Алексѣя Александровича и что онъ потому не пошелъ, что слышалъ разговоръ Бориса съ солдатомъ. По нашему мнѣнію, этотъ медвѣдь, въ продолженіе битыхъ 6 часовъ, въ ѐсокѣ наслушался такого шуму, что на разговоры подобнаго рода онъ не обратилъ-бы и вниманія, а очень просто высмотрѣлъ охотника, да и далъ тягу назадъ.

Почти въ сумерки окончилась неудачная охота на великана. И мы, съ грустью въ сердцѣ, повѣся головы, уставшіе, побрели къ подводамъ и нашли тамъ большую часть облавщиковъ, грѣвшихся у большаго костра. Михаилъ Павловичъ сѣлъ вмѣстѣ съ Борисомъ. Первый ругалъ неудачу и мѣстность, а другой сидѣлъ молча, насупившись. Мы же, съ Петромъ Викентьевичемъ, какъ невидавшіе звѣря, съ горя, отъ неудачи дремали всю дорогу до самой квартиры.

Весь этотъ вечеръ мы проговорили о Великанѣ. Очень поздно вошелъ къ намъ въ избу Василій съ извѣстіемъ, что онъ слѣдъ выправилъ и съ завтрашняго дня будетъ хлопотать обойдти хитреца.

X.

Охота на скорую руку.

Недалеко опять отъ деревни Ефановой, гдѣ была третьяго дня убита медвѣдица съ лончакомъ, еще былъ обложенъ медвѣдь. На него мы рѣшились отправиться сегодня, 21-го февраля, а Сонскаго отложить на 22-е, т. е. на завтра; такъ и приказано было окладчику Ивану, который, послѣ сегодняшней охоты, долженъ былъ отправиться къ своему и, если успѣетъ, повѣрить и обрѣзать излишекъ оклада.

Опять тѣмъ же порядкомъ, часа два спустя, мы уже стояли у опушки березоваго мелкаго лѣса, это была старая гарь, охватившая огнемъ большое пространство, отъ чего крупныя дерева, подгорѣвшія съ корня, повалились, и давнымъ давно нѣтъ ихъ существованія.

Вся эта гарь въ настоящее время заросла частымъ молодымъ березникомъ не толще, какъ въ оглоблю, и потому мѣстность кажется совершенно прозрачной, имѣя въ срединѣ небольшіе еловые подсѣды, удобные для лёжки медвѣдей.

Въ этой самой гари находился окладъ звѣря, въ кругу какихъ нибудь трехсотъ сажень. Съ того мѣста, гдѣ насъ ожидали облавщики съ Михаиломъ Павловичемъ, мы должны были болѣе нежели съ версту идти пѣшкомъ до оклада, ибо проѣхать не было никакой возможности.

Тутъ мы слѣзли съ саней и пошли слѣдъ въ слѣдъ за нашимъ распорядителемъ по протоптанной тропѣ, съ осторожностью виляя межъ тонкимъ березникомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходилось наклоняться въ поясъ и накарачкахъ подлѣзать подъ склонившіяся дугообразно молодыя деревца, а гдѣ и пролѣзать бокомъ. Всё это было презабавно и смѣшно видѣть въ тѣхъ, которые шли впереди и, поминутно зацѣпляя ногами за валежникъ, тыкались носомъ въ сугробъ. Наконецъ мы достигли оклада и остановились.

— Ну, господа! Ужъ не взыщите! Мѣсто просто дрянь! Ни просѣки, ни тропочки нѣтъ! Всюду такая трущоба, какъ видите. Становитесь! № № готовы! Навѣрное придется стрѣлять въ упоръ.

И дѣйствительно, оказалось большое неудобство. На нѣкоторыхъ номерахъ стрѣлять звѣря приходилось почти подъ ногами, въ противномъ случаѣ пули должны-бы попадать въ березникъ, еслибъ медвѣдь пошелъ параллельно всей линіи.

Окладъ былъ чрезвычайно малъ, такъ что сорока человѣкъ облавщиковъ было весьма достаточно. Съ

этимъ народомъ мы заранѣе предвидѣли удачу. Бѣдному мишѣ рѣшительно не было возможности улизнуть изъ оклада. Онъ былъ запертъ кругомъ, никакъ не думая такъ скоро раздѣлаться своей шкурой.

Порядокъ номеровъ былъ слѣдующій: съ прихода 1-й № занималъ А. А. А.—въ съ своими рогатчиками. 2-й Борисъ. 3-й Я. 4-й Петръ Викентьевичъ. 5-й Дмитрій Яковлевичъ.

Разставивъ по порядку № №, Михаилъ Павловичъ предупредилъ стоять смирнѣе и подпускать ближе. Смотрите-ка, какъ я его турну! сказалъ онъ шепотомъ и пошелъ поднимать медвѣдя,—прямо въ окладъ.

Не успѣли мы еще путемъ обмяться въ снѣгу, какъ раздался въ окладѣ сигнальный выстрѣлъ, и одновременно съ шумомъ облавы вскочилъ медвѣдь. Онъ лежалъ весь на верху и не подпустилъ окладчиковъ. Береги! пошелъ! каждый изъ насъ живо изготовился. Тутъ исторія должна была розыграться въ 10 минутъ. Такъ и случилось. Вскочивши отъ шума, отуманенный звѣрь, не раздумывая, прямо ударился къ правому флангу линіи. Мнѣ хорошо было видно его холку, когда онъ, переваливаясь, лавировалъ по березнику, но стрѣлять далеко, впереди была чаща, такъ что медвѣдь то покажется, то снова опять скроется. Онъ шелъ прямо къ 1-му №, въ 30 шагахъ отъ Бориса, которому можно было стрѣлять. Мнѣ видно было всё: какъ Борисъ на-

велъ неторопясь штуцеръ и вдругъ опять отнялъ, я ожидалъ выстрѣла, но его не было. Чудакъ! подумалъ я. Мнѣ даже стало досадно это убійственное хладнокровіе. За тѣмъ вскорѣ послышались два выстрѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ крикъ, — готовъ!... Въ полчаса вся охота была кончена. Мы поспѣшили съ своихъ мѣстъ къ убитому звѣрю.

— Чтожъ ты-то не стрѣлялъ? Спросилъ я, проходя мимо Бориса, который тоже сходилъ съ своего мѣста.

— Я люблю стрѣлять своихъ, а не чужихъ медвѣдей! отвѣтилъ онъ прехладнокровно.

— Какъ своихъ? Медвѣдь шелъ тебѣ въ поперечь!

— Да не совсѣмъ въ поперечь, а на искось къ 1-му №. И я бы навѣрное повалилъ, но не хотѣлъ пожадничать, когда звѣрь на штыкъ лѣзъ къ Алексѣю Александровичу!

Я удивился уступчивости и хладнокровію Бориса и почувствовалъ въ душѣ къ нему полное уваженіе, какъ къ охотнику, съ которымъ смѣло можно идти на вчерашняго *носорога*.

Когда мы собрались на № Алексѣя Александровича, медвѣдь уже лежалъ издохшій. Онъ его повалилъ съ одной пули, а другою докончилъ лежачаго.

Здѣсь онъ разсказалъ, какъ чуть не прозѣвалъ и что ему указалъ Василій медвѣдя въ 15 шагахъ.

— Наповалъ убили или еще пошелъ? Спросилъ

Петръ Викентьевичъ, досадовавшій, что ему во все время неудается нетолько стрѣлять, но видѣть звѣря.

— Конечно, на повалъ! Я всегда такъ стараюсь бить медвѣдя! Какъ ударилъ, такъ и ткнулся. Другой разъ только добилъ, чтобы, знаете, прекратить его мученія! Отвѣчалъ побѣдитель пріятнымъ, тоненькимъ голоскомъ, стараясь сохранить умѣренность душевнаго восторга, чтобъ не показаться малодушнымъ, и какъ будто этимъ онъ хотѣлъ выразить: это намъ ничего незначитъ, мы стрѣливали!

Въ это самое время подошелъ и Борисъ.—Поздравляю васъ съ полемъ! Вы видите, Алексѣй Александровичъ, что я охотникъ не жадный! Медвѣдя я могъ стрѣлять прежде васъ; но видя, что онъ направляется къ вамъ на штыкъ, я воздержался и уступилъ выстрѣлъ вамъ!

Выслушавъ это, Алексѣй Александровичъ обнявъ и, разцѣловавъ съ чувствомъ признательности Бориса, проговорилъ:—Благодарю васъ, Борисъ Александровичъ! Я вижу, какой вы охотникъ! И повѣрьте, что и самъ всегда отплачу вамъ тѣмъ же.

Недолго Борисъ ожидалъ этой отплаты. На другой же день представился случай Алексѣю Александровичу отблагодарить товарища. Какимъ образомъ это было? Узнаемъ изъ слѣдующей главы.

Медвѣдь оказался средней величины, чернобурый. По

пріѣздѣ въ Александровку, Алексѣй Александровичъ былъ веселъ и разсказывалъ, что онъ всегда такъ стрѣляетъ медвѣдей.

Онъ приходилъ въ восторгъ отъ изобильныхъ медвѣдями мѣстъ и знанія Я—ва, говоря: я непремѣнно куплю здѣсь усадьбу и попрошу Михаила Павловича жить въ ней и принять на себя заботу объ устройствѣ охотъ. Перевезу сюда всю свою охоту и отдамъ въ его распоряженіе. Вѣдь нынчѣ, прибавилъ онъ, имѣнья нипочемъ. Разсказалъ при этомъ нѣсколько случаевъ, какъ имѣнья, стоившія сотни тысячь, были куплены чуть не за гроши.

XI.

Зажилинный медвѣдь.

Старикъ крестьянинъ съ батракомъ
Шелъ, подъ вечеръ, лѣскомъ
Домой, въ деревню, съ сѣнокосу,
И повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу.
Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ,
Какъ на него медвѣдь насѣлъ.
Подмялъ крестьянина, ворочаетъ, ломаетъ
И, гдѣ бъ его почать, лишъ мѣсто выбираетъ;
Конецъ приходитъ старику.
—«Степанушка, родной, не выдай, милой!»
Изъ подъ медвѣдя онъ взмолился батраку,

Вотъ новый геркулесъ, со всей собравшись силой,
Что только было въ немъ,
Отнесъ полъ черепа медвѣдю топоромъ
И брюхо прокололъ ему желѣзной вилой.
Медвѣдь взревѣлъ и замертво упалъ:
Медвѣдь мой издыхаетъ.
Прошла бѣда; крестьянинъ всталъ,
И онъ же батрака ругаетъ.
Опѣшилъ бѣдный мой Степанъ.
—«Помилуй,» говоритъ: «за что?»—за что, болванъ!
Чему обрадовался сдуру?
Знай колетъ: всю испортилъ шкуру!»

Крыловъ.

Изъ этой главы читатель увидитъ, что на охотѣ бываютъ случаи, какъ со Степаномъ—батракомъ, гдѣ нѣкоторые господа не справедливѣе старика крестьянина поступаютъ съ товарищами.

Но объ этомъ будетъ объяснено въ своемъ мѣстѣ, а теперь займемся пока поѣздкой къ Ивану, на Сонскаго медвѣдя.

Было свѣжее, солнечное утро 22-го Февраля, когда мы отправились къ окладу:—это почти въ ту же сторону, куда ѣздили прежде, только съ той разницей, что немного правѣе и дальше верстъ на 7-мь отъ Ефановой, чрезъ которую проѣхавъ, мы спустились вкрутѣ направо и покатились вдоль рѣки до самаго мѣста.

Рѣка, названія которой не упомню, проходила въ крутыхъ берегахъ, заросшихъ съ обѣихъ сторонъ лѣсомъ. Въ лѣво, по берегу и дальше, тянулась громадная уйма,

а вправо видны были небольшія поляны, окруженныя мелколѣсьемъ. Вообще, вся мѣстность по рѣкѣ чрезвычайно живописна, въ особенности лѣтомъ или весной, когда её берега наполнены массой водъ, уносящихъ по теченію значительное количество лѣсныхъ матеріаловъ, сложенныхъ на правомъ берегу.

Проѣхавши верстъ 5-ть вдоль рѣки, мы встрѣтили окладчика Ивана. Онъ насъ ожидалъ для указанія тропы, чтобы какъ можно ближе подъѣхать къ окладу.

Тутъ мы выбрались на берегъ и тотчасъ-же остановились. До оклада оставалось нѣсколько сажень, которыя мы должны были пройти пѣшіе, избѣгая всякаго шума.

Медвѣдь лежалъ вправо отъ большаго высокоствольнаго лѣса, въ мелкой еловой чащѣ. Это была заросшая ельникомъ вырубка; мѣсто, весьма удобное для лежки звѣря.

Окладъ примыкалъ одной стороной къ строевому лѣсу, совершенно рѣдкому, такъ что стоявшіе на №№ всѣ были на виду другъ у друга.

Передъ №№, шаговъ на 50-тъ, была та самая чаща, изъ которой предполагалось гнать медвѣдя. Это былъ единственный лазъ, да и тѣмъ болѣе, что когда его обкладывали, входный слѣдъ оказался съ этого-же мѣста.

На этотъ разъ, исключая Дмитрія Яковлевича, который послѣ неудачной охоты на Носорога отправился въ

Москву, насъ осталось всего четверо, и намъ на четыре № приходилось занять линію не болѣе, какъ шаговъ на сто. На такое узкое, рѣдкое мѣсто выставить изъ чащи медвѣдя, въ особенности стараго — не легко. Здѣсь нуженъ энергическій напоръ окладчиковъ, смѣлыхъ, съ добрыми собаками, которыя-бы ни минуты недавали звѣрю отдыхать и высматривать, куда ему уйти. При такихъ условіяхъ звѣрь не задремлетъ въ окладѣ, что мы и увидимъ сей часъ-же.

По линіи, гдѣ мы разстановились, были весьма толстыя осины и ели, за стволами которыхъ, мы могли укрыться отъ глазъ ожидаемаго изъ чащи медвѣдя, да иначе и нельзя, потому что звѣрь, замѣтивши издали охотниковъ, повернетъ назадъ въ чащу, и тогда его необманешь. По этому мы условились непремѣнно стоять за толстыми деревами, которыхъ къ нашему удовольствію оказалось достаточно.

На первый № съ прихода опять сталъ Петръ Викентьевичъ съ рогатчикомъ, на 2-й Борисъ съ отставнымъ солдатомъ, принесшимъ ему ружье и рогатину. (На этотъ разъ онъ оставилъ его при себѣ, потому что корень завалившагося дерева на его № могъ совершенно скрыть сидящаго человѣка. Обыкновенно же онъ всегда отсылаетъ своего оруженосца въ облаву на томъ основаніи, что ему раза два случилось — стоящій съ нимъ человѣкъ отгонялъ отъ него медвѣдя, или каш-

ляя или вообще стоя не спокойно,—и говоритъ: «въ случаѣ опасности онъ меня не спасетъ, а напортитъ-на портитъ всегда»!) На 3-й Алексѣй Александровичъ съ двумя людьми Васильемъ и Дмитріемъ; но послѣдній, не знаю по какаму праву, сталъ какимъ-то межеумкомъ, между номерами своего барина и Бориса, какъ будто и онъ занималъ особенное мѣсто. Оба эти рогатчики имѣли по двуствольному ружью; слѣдовательно баринъ ихъ былъ совершенно обезпеченъ и имѣлъ шансовъ втрое болѣе всѣхъ насъ.—4-й и послѣдній № былъ мой. Намъ, съ Петромъ Викентьевичемъ, въ продолженіи всѣхъ охотъ, служило какое-то глупое несчастье и неудача въ выпадавшихъ номерахъ.

За тѣмъ вскорѣ растягивалась облава, огибая окладъ вплоть до 1-го №, и потому наши номера были совершенно ненадежны, при всемъ томъ, что Михаилъ Павловичъ настрого приказалъ крайнимъ молчать. Но у русскаго мужика при видѣ звѣря не достанетъ терпѣнія, не крикнуть. Все это намъ, вособенности моему №, было большой помѣхой.

Когда все было готово, и пока наши храбрецы, предводительствуемые отчаяннымъ Михаиломъ Павловичемъ, достигли съ трудомъ берлоги и вытурили звѣря, прошло болѣе получасу. По первому же холостому выстрѣлу, медвѣдь поднялся и пошелъ ходить по осоку. Облава зашумѣла, но на линію онъ не бросился, а, прямо

ударившись на кричанъ, смѣло пошелъ на проломъ. Облавщики стояли почти рука съ рукой и, увидя его, вылѣзавшаго изъ чащи, оскалившаго зубы, въ одно мгновеніе успѣли составить надежную кучку и загородили путь къ побѣгу; а одинъ изъ самыхъ храбрыхъ мужиковъ деревни Сонки, Семенъ Стальненокъ, увлекшись храбростью и подпустивъ въ упоръ гиганта, хватилъ его со всего размаха по головѣ здоровеннымъ коломъ. Ударъ Семена такъ былъ силенъ, что медвѣдь сконфузился и замахалъ головой, потомъ, съ остервененіемъ, схватилъ колъ зубами и, выхвативъ у Семена изъ рукъ, прокусилъ глубоко мизинецъ правой руки. Если бы не подоспѣли другіе съ кольями, тогда бы храбрецу не сдобровать; разсвирѣпѣвшій медвѣдь изъ Семена могъ сдѣлать кусокъ мяса и, прорвавши цѣпь, уйти безнаказанно.

Но не удалось медвѣдю такое нахальство и онъ вернулся снова въ окладъ. Тамъ его встрѣтили тоже не трусы. Видя неустойку, озлобленный гигантъ началъ тихо пробираться чащей у самой опушки къ лѣвому флангу линіи. Рогатчикъ мой Агей успѣлъ прежде меня замѣтить, какъ онъ выразился, черную копну и тутъ же, ткнувъ меня сзади пальцемъ, молча указалъ, гдѣ онъ пробирался. Стрѣлять было далеко; я приготовился и нажидалъ, вотъ повернетъ, но не тутъ то было. На линіи, впереди насъ, очутилась какая-то мерзѣйшая

желтенькая собаченка, приставшая за облавщиками. Увидѣвъ звѣря, она залилась лаемъ и завернула его снова въ чащу; это меня поразило не хуже землемѣра, и я прицѣлился, чтобъ положить её на мѣстѣ, но, благодаря благоразумію, я воздержался, иначе изгадилъ бы поле, которое такъ богато было приключеніями и дорого для каждаго изъ охотниковъ.

Скачекъ звѣря въ чащу былъ такъ моменталенъ, что я не успѣлъ вскинуть штуцера къ плечу.

Подобно молніи онъ исчезъ. Только снѣжная пыль полетѣла во всѣ стороны и вѣтви ельника долго шевелились въ томъ мѣстѣ, куда онъ сдѣлалъ усиленный скачекъ.

Между тѣмъ двѣ другія собаки дѣлали въ чащѣ свое дѣло, онѣ живо добрались и злобно начали подлаивать недруга на одномъ мѣстѣ. Медвѣдь, повидимому, отдыхалъ. На этотъ-то лай поспѣшили наши окладчики и дошли до такой трущобы, что не пролѣзешь. Подбодривъ крикомъ собакъ, которыя полѣзли впередъ и залились еще сильнѣе, наши храбрецы услышали страшный трескъ.

Вота! вота! у! у! у! вота! Вмѣстѣ съ этимъ окончательно взбѣшенный звѣрь, съ пѣной у рта, вылѣзъ къ окладчикамъ. Храбрецы однакожъ не потерялись и, поднявъ дубины, съ крикомъ: куда!... бросились на него сами. Въ мигъ одинъ изъ нихъ, въ родѣ Сонскаго Се-

мена, отставной солдатъ Прокофій Никитинъ, изловчившись, ударилъ звѣря по головѣ и, только хотѣлъ поразить въ другой разъ, какъ въ одно мгновеніе медвѣдь былъ на солдатѣ. Подмявъ подъ себя и охвативъ несчастнаго мощными лапами, онъ началъ съ остервененіемъ кусать зубами. Но и тутъ не потерялся храбрый воинъ. Собравши послѣднее усиліе, онъ уперъ звѣрю подъ горло дубиной; вскорѣ подоспѣли другіе окладчики и сбили медвѣдя; тотъ бросился и снова скрылся, преслѣдуемый собаками. Прокофій Никитинъ, оправившись, вскочилъ на ноги и сгоряча схватился за свою оборону, но вдругъ ослабъ; кровь лила ручьемъ изъ ранъ, одна была глубиной въ полвершка, сдѣланная зубами, а другая—сильная царапина вершка въ три. (*) Тутъ же, на мѣстѣ, живо разорвали рубашку и перевязка на скорую руку была готова. Храбрый севастополецъ, поднявши на плечо свое оружіе, поспѣшилъ за товарищами по слѣдамъ медвѣдя. Какова храбрость и стойкость!—Честь и слава тебѣ, Русскій солдатикъ!!!

Спустя нѣсколько минутъ послѣ приключенія въ окладѣ съ Семеномъ и солдатомъ, медвѣдь, фыркая, показался противъ № Алексѣя Александровича и, приложивши уши, какъ стрѣла полетѣлъ на линію. Послѣдовалъ выстрѣлъ (А—ва рогатчика Василья), медвѣдь

(*) Раны нанесены солдату на задней части ляжки.

ткнулся, но въ одинъ моментъ вскочилъ и понесся еще быстрѣе, вѣроятно, легко раненный, потому что разсерженный сталъ бросаться на выстрѣлы. Второй стрѣлялъ два раза А—въ и звѣрь бросился было на него, но, отъ слѣдующаго выстрѣла другаго его рогатчика Дмитрія, онъ повернулъ и понесся, оскаливъ зубы, къ послѣднему. Дмитрій, выстрѣливши другой разъ, бросилъ ружье и, плотно прижавшись къ толстой осинѣ, едва успѣвши юркнуть на другую сторону дерева, въ торопяхъ, отъ испуга упалъ. Въ одно мгновеніе медвѣдь былъ уже на его мѣстѣ.

Всѣ мы, видѣвшіе опасное положеніе Дмитрія, барахтагося въ снѣгу, а именно: я, рогатчикъ мой Агей и отставной солдатъ, оруженосецъ Бориса, бросились къ нему на помощь.

Борисъ-же, стоявшій ближе всѣхъ, вскинулъ штуцеръ, чтобы ударить по звѣрю, подъ самыми ногами Дмитрія, бывшаго въ такой опасности; но солдатъ, хватаясь за рогатину, тронулъ второпяхъ по стволамъ, однако, къ счастію, Борисъ не выпустилъ невѣрнаго заряда. Звѣрь же, видя, что человѣкъ, къ которому онъ устремился, вдругъ исчезъ, а другіе бѣгутъ къ нему, поскакалъ тѣмъ-же алюромъ дальше, но на третьемъ скачкѣ упалъ, какъ тряпка, отъ выстрѣла Бориса, саженяхъ въ 6-ти отъ осины. Пуля попала въ холку и пронизала грудь.

Кромѣ насъ, охотниковъ и рогатчиковъ, свидѣтелями

этой ужасной сцены было нѣсколько облавщиковъ, стоявшихъ на лѣвомъ крылѣ. Не видали только послѣдняго рѣшительнаго момента Алексѣй Александровичъ и его Дмитрій, упавшій лицомъ въ снѣгъ.

Надо было видѣть переходъ отъ всеобщаго ужаса къ радости. Первый заговорилъ солдатъ:—Ай да, Ваше Благородіе! Ловко-же вы ихъ бьете!...

Потомъ подбѣжали ближайшіе мужики къ издохшему звѣрю и, съ любопытствомъ осматривая гиганта, вели слѣдующій разговоръ. — Вотъ такъ баринъ! Хлёско ударилъ! Тые палили, палили, ровно какъ ни въ яво; что ударить, а йонъ шибче! ровно кнутомъ подгонютъ, все въ пехи̇ (*) да въ пехи̇. А эвтотъ рѣзнулъ.... словно свѣчку задулъ!—Какъ есть выходитъ задулъ! замѣтилъ молодой парень въ дубленомъ полушубкѣ.—Доподлинно уязвилъ! На всемъ маху, тутъ и тпррру, возразилъ бородатый мужикъ въ сѣромъ зипунѣ.

— Диковинное, братецъ ты мой, дѣло! Ужлижъ это оны не попали въ яво? Палять, палять, а йонъ знай ломитъ!

— Какъ не попасть! попали, да значитъ всё не въ причинно мѣсто, ну а евтотъ потрафилъ и рѣшилъ значитъ!... Ну, робята, ужотка, весной, нашу скотинку йонъ бы пощупалъ!... Дай Богъ здоровья барину, осло-

---

(*) Въ пехи—называется, когда медвѣдь скачетъ большими прыжками. Мѣстное выраженіе крестьянъ-охотниковъ.

бонилъ отъ врага! Дурная трава изполя вонъ! заключилъ бородатый ораторъ.

— Ужъ и озарникъ же какой! Двоихъ покусалъ окаянный! чтобъ ему пусто было! Да робяты-те смѣлые! не сробѣли!

Въ это время подымается изъ за осины блѣдная, какъ полотно, фигура Дмитрія. Увидавъ, что звѣрь лежитъ безъ дыханія, онъ изъ блѣднаго цвѣта постепенно перешелъ въ красный и сейчасъ же явилось фанфаронство.

—Счастливо ты отдѣлался! Кабы не осина, было бы тебѣ плохо! сказалъ Борисъ, обратившись къ Дмитрію.

—Я ихъ не боюсь! отвѣтилъ тотъ, стоя въ нахальной позѣ и отряхивая съ себя снѣгъ.

Послѣдній подошелъ его баринъ, который съ переполоха вѣроятно тогда уже рѣшился оставить свое мѣсто, когда положительно увѣрился, что звѣрь мертвъ. Сдѣлавши постное лицо, начинаетъ онъ изъявлять удивленіе: какимъ это образомъ не повалился медвѣдь отъ столькихъ вѣрныхъ его выстрѣловъ?

— Они вѣрны, да несмертельны! замѣтилъ Борисъ. Моя одна, да хороша! Вершка не отползъ! Пойдемте-ка, господа, къ санямъ, теперь можно и водки выпить, а надъ медвѣдемъ нечего стоять!.... не псалтырь-же надъ нимъ читать! И мы отправились, а Алексѣй Александровичъ съ своими людьми остался разсматривать раны.

Тутъ, по разсказамъ мужиковъ, у нихъ происходилъ слѣдующій разговоръ: Помилуйте, Лексѣй Лександрычъ, сказалъ Дмитрій — вѣдь онъ стрѣлялъ въ него въ мертваго; я упалъ и медвѣдь упалъ, а онъ выстрѣлилъ, да и хочетъ завладать! Просто мы убили! За тѣмъ послѣдовало разсматриваніе пуль, и А—въ рѣшилъ, что медвѣдь убитъ имъ и его дружиной.

Вотъ вамъ и повтореніе басни Крылова: люди, бывшіе нѣсколько минутъ тому назадъ на волосокъ отъ смерти, сговаривались, какъ бы оттягать медвѣдя у того, кто избавилъ всѣхъ отъ грозившей бѣды! а вмѣстѣ съ тѣмъ и отплата по вчерашнему обѣщанію.

Вскорѣ мы добрались къ санямъ, куда подошелъ и Михаилъ Павловичъ изъ оклада. Стирая съ лица катившійся потъ, онъ вмѣсто водки опять ухватился за бутылку квасу и началъ пить съ жадностью, булькая изъ горлышка.

— Ну измучилъ-же лѣшій проклятый! Да вѣдь какая хитрѣйшая стерва! Нейдетъ путемъ, а все въ такую чащу чортъ его несетъ, куда, кажется, бѣлкѣ врядъ пролѣзть! Тутъ Михаилъ Павловичъ разсказалъ о происшествіяхъ въ лѣсу и сѣлъ въ сани. Вскорѣ изъ лѣсу показалась толстенькая фигурка А—ва. Завидѣвъ сани, въ которыхъ сидѣлъ уже Борисъ, готовый ѣхать, онъ закричалъ:—Помилуйте! что это у васъ за правила, что тотъ беретъ медвѣдя, кто послѣдній стрѣлялъ? И зачѣмъ вы стрѣляли?

— Какъ за чѣмъ? за тѣмъ, чтобъ убить! отвѣчалъ Борисъ.

— Да зачѣмъ вамъ стрѣлять? Медвѣдь былъ уже мертвый, и когда Дмитрій упалъ, и медвѣдь упалъ тутъ-же вмѣстѣ. Этакъ нельзя охотиться. Вы не должны были стрѣлять на чужой номеръ. У насъ, въ Гродненскомъ полку, было правило: что съ сосѣднихъ номеровъ должны были передавать свои ружья тому, на кого вышелъ медвѣдь и кто первый стрѣлялъ.

(Я подумалъ: какъ приложимо было бы это правило къ настоящему случаю! какъ бы удобно было Борису идти къ нему 30 шаговъ по колѣно въ снѣгу, передавать свое ружье, тогда какъ медвѣдь махалъ въ это время по 5-ти саженъ въ секунду между ними двумя! Надо полагать, что у тѣхъ медвѣдей также было принято за правило: сидѣть и дожидаться, пока совершалась эта передача!...).

За тѣмъ разразился потокъ упрековъ и доказательствъ, что звѣрь убитъ имъ и его людьми.

Нѣсколько разъ Борисъ пробовалъ возражать на его нелѣпыя претензіи, но тотъ положительно не давалъ выговорить слова. Наконецъ, онъ улучилъ минуту, когда А—въ остановился, чтобы перевести духъ, и сказалъ: Во первыхъ это былъ не номеръ, и я не знаю, по какому праву вашъ Дмитрій сталъ на одинаковомъ растояніи между мной и вами, а во вторыхъ, какъ-же

мнѣ было не стрѣлять, стоя въ 10 шагахъ и видя, что звѣрь здоровехонекъ и бросается на людей? Если я стрѣлялъ его въ угонъ, пропустивши за линію, а не тутъ же, у осины, такъ это только потому, что мой солдатъ, схвативши рогатину, чтобы бѣжать на помощь, помѣшалъ мнѣ выстрѣлить въ этотъ моментъ.

— Да кто васъ просилъ? У насъ есть свои рогатины и ружья и не зачѣмъ вамъ и вашему солдату было безпокоиться!

Борисъ, видя, что А—въ вообразилъ себя какимъ-то хозяиномъ охоты, какъ будто она дѣлалась для него одного, и что этотъ баринъ докричался до того, что началъ пороть дичь и говорить противъ всѣхъ правилъ охоты; мало того,—противъ обязанностей человѣчества, требующихъ поспѣшить на помощь товарищу и вообще ближнему, сказалъ: я вижу, что вамъ угодно присвоить себѣ звѣря; извольте! я вамъ отдаю его.

— Какъ это вы мнѣ отдаете? Да я *самъ* его беру!

Такая безсовѣстность окончательно поразила Бориса. Онъ ничего не отвѣтилъ и отправился повѣрять облаву для расчета, а мы поѣхали домой и всю дорогу удивлялись, какимъ образомъ Алексѣй Александровичъ, считаясь хорошимъ и опытнымъ охотникомъ, былъ настолько не деликатенъ, что рѣшился изъ одной жадности отжилить чужаго звѣря?

Возвратившись въ Александровку, мы сѣли обѣдать втроемъ. Чрезъ нѣсколько минутъ явился и Борисъ, какъ былъ въ лѣсу, въ дубленкѣ. Тутъ онъ обратился къ А—ву прежде, чѣмъ сѣлъ за столъ.

— Алексѣй Александровичъ! я васъ уважаю, какъ хорошаго охотника; не желалъ бы ссориться съ вами изъ за какого нибудь медвѣдя; я не шкурятникъ! Мнѣ пріятно убить звѣря, а кто возметъ его шкуру, мнѣ рѣшительно все равно! Хотѣлось бы только, чтобъ вы отказались отъ мнѣнія, будто я стрѣляю въ мертвыхъ. Стрѣлять въ мертваго или лежачаго звѣря, для того чтобы присвоить его себѣ, я считаю подлостью—и, обратясь ко мнѣ, шепнулъ на ухо: на которую способенъ только тотъ, кто предполагаетъ ее въ другомъ. — Надѣюсь, вы это давича сгоряча сказали? Я сошлюсь на двухъ свидѣтелей — охотниковъ, на Егора Сергѣича и Петра Викентьича, вашего хорошаго знакомаго; я же съ нимъ знакомъ почти что съ послѣдней охоты, но увѣренъ, что онъ будетъ безпристрастенъ. Господа! обратился онъ къ намъ тутъ-же, скажите, какъ было дѣло?

—Я видѣлъ, что медвѣдь, какъ ни въ чемъ не бывало, скакалъ за линію и, послѣ выстрѣла Бориса Александровича, упалъ, какъ перчатка! отвѣтилъ Петръ Викентьевичъ серьозно.

— Я не видалъ, кто стрѣлялъ послѣдній, но, бѣжавши съ

Агеемъ на помощь, видѣлъ, что съ послѣднимъ выстрѣломъ медвѣдь, скакавшій до того очень быстро, растянулся плашмя, а Дмитрій въ это время еще барахтался въ снѣгу. Отвѣтилъ я, въ свою очередь, на спросъ Бориса.

— Вотъ видите-ли, Алексѣй Александровичъ, кажется, достаточно положиться на двухъ нашихъ товарищей. Кромѣ того, не угодно ли спросить солдата и до 10-ти мужиковъ, видѣвшихъ дѣло и готовыхъ присягнуть въ томъ же, о чемъ свидѣтельствуютъ Петръ Викентьевичъ и Егоръ Сергѣичъ! Слѣдовательно, я стрѣлялъ не въ мертваго! Да, кажется, я вамъ и прежде доказалъ свою нежадность. Не дальше, какъ вчера, я не стрѣлялъ въ свѣжаго звѣря, видя, по его направленію, что онъ ближе подойдетъ къ вамъ!

А—въ, выслушавъ въ глаза правду, разсыпался въ извиненіяхъ. Повидимому, онъ отказался отъ своихъ притязаній и объясненіе кончилось.

Когда уже смерклось, пріѣхала подвода съ медвѣдемъ и его сложили на обычное мѣсто, на улицѣ, передъ нашими окнами.

— Теперь темно, сказалъ Борисъ, не велѣть-ли, господа, втащить медвѣдя-то въ заднюю избу? Лучше снимать шкуру при огнѣ.

— О нѣтъ! перебилъ его Алексѣй Александровичъ, я его повезу цѣлаго; нельзя-же такого огром-

наго звѣря, и въ добавокъ такого красиваго, не показать дома!

Мы переглянулись, и каждый изъ насъ подумалъ, что въ этомъ господинѣ жадность заглушила стыдъ и совѣсть.

Въ сущности же, мнѣ кажется, онъ увозилъ его неснятаго, не показывать дома, а чтобы скрыть истину, ибо по снятіи шкуры обнаружилось бы: что его пули сдѣлали не сквозныя раны, а скорѣе закожныя заволоки, которыя только раздразнили медвѣдя, почему онъ и бросился сначала на него, а потомъ на хвастуна Дмитрія.

На вопросъ мой Борису: что за великодушіе? Къ чему онъ позволяетъ такъ незаконно отнимать, по всѣмъ правамъ ему принадлежащаго звѣря? Онъ отвѣтилъ:—Ты знаешь, братъ, обстоятельства Михаила Павловича; ему почти ѣсть нечего, а этотъ господинъ покупаетъ здѣсь усадьбу и обѣщаетъ дать ему въ ней помѣщеніе, взять его въ распорядители охоты, положить содержаніе и жалованье. Не уступи я ему, не мудрено, что онъ, недовольный, оставилъ бы эти намѣренія, и меня-бы упрекала совѣсть. Мнѣ казалось бы, что я лишилъ человѣка куска хлѣба! Вотъ что меня заставляетъ болѣе никогда, ничего не упоминать объ *отжилиномъ медвѣдѣ*.

XII.

На отъѣздѣ изъ Александровки.

Въ этотъ-же вечеръ, послѣ охоты, собрался домой и Петръ Викентьевичъ. Въ ночь онъ уѣхалъ въ Москву, и дальнѣйшія наши дѣйствія должны были прекратиться Сонскимъ медвѣдемъ, не смотря на то, что въ этой сторонѣ еще оставались нетронутые оклады. А именно: два медвѣдя близь деревни Ра̀менье, одинъ около дер. Ели и Великанъ, который на другой-же день былъ обложенъ Васильемъ. Исключая этихъ четырехъ, мы могли переѣхать за О—въ, въ другую сторону, гдѣ тоже было сторговано Михаиломъ Павловичемъ штукъ 5 или болѣе. Слѣдовательно, весь итогъ превысилъ обѣщанное Борисомъ число и, если бы у насъ съ нимъ были средства, мы бы не выѣхали, не очистивши наголо этотъ обѣтованный уголокъ, гдѣ убиваешь медвѣдя и только что возвращаешься съ охоты, какъ новые окладчики дожидаются съ предложеніемъ, что и у нихъ готовы.

По отъѣздѣ нашихъ двухъ товарищей, не хотѣлъ оставаться и Алексѣй Александровичъ. Да ему и весело было возвращаться. Онъ ѣхалъ съ отличнымъ полемъ: везъ свои и чужіе трофеи.

Послѣдній вечеръ, въ Александровкѣ весь прошелъ въ расчетахъ съ мужиками. Грустно было уѣзжать,

не подобравши всѣхъ оставшихся медвѣдей. Но дѣлать было нечего.

Долго проболталъ я съ Михаиломъ Павловичемъ въ его избѣ. Разговоръ, естественно, сбивался больше на охоту. Въ это время въ людской избѣ шелъ жаркій споръ, и долетали до нашего слуха слова: медвѣдь! выстрѣлилъ! врёшь! и т. п. Наконецъ входитъ мой Агей, повидимому, пропустивши не одну чарку.

Во хмѣлю онъ дѣлается весьма разговорчивъ, любитъ пускаться въ сужденія о бывшей охотѣ и всегда возмущается какой-либо несправедливостью, желая, во что бы ни стало доказать правду; эти припадки *правдоманіи* являются у него вособенности послѣ охотъ съ борзыми, дающими, чаще всѣхъ другихъ, поводъ къ спорамъ.

— О чемъ ты такъ горячился? спросилъ я Агея.

— Помилуйте! возразилъ онъ, какой же это порядокъ таперича! что Борисъ Александрачъ убимши медвѣдя, а будетъ его брать энтотъ Калуцкой баринъ.... Да не токма что мы! Господа всѣ! сколько мужиковъ, тутъ было!... Вотъ, вотъ, видѣли доподлинно, какъ йаны его на всемъ маху сразили. Имъ не слѣдуетъ уступать.... какъ угодно!

— Это, братъ Агеюшко, Борисъ Александровичъ для меня уступаетъ—сказалъ Я—въ—чтобъ не разсердить его. Онъ имѣнье здѣсь покупаетъ и мнѣ мѣсто даетъ.

— Да! какже! дожидайтесь! купитъ! Нѣтъ, хоша йонъ и миліонщикъ, а наровитъ на грошъ пятаковъ добыть! Вы изволили слышать, что йонъ про имѣньи-то поётъ!... И людишки то его бахвалы! больше ничего. Особливо энтотъ лахматый. Давича вскочилъ бѣлѣй моей рубахи, а тоже: я ихъ не боюсь-ста!... Нѣтъ, кабъ онъ не боялся.... У него вѣдь была рогатина,—чегожъ йонъ за нее не взялся? Небось.... скорѣе за осину? да въ снѣгъ рыломъ?... И тамъ у себя то йаны чужихъ зайцевъ да лисицъ втарачиваютъ, видно, да и хвалются, что лучше-ста нашей стаи по всей Расеи нѣтъ! одно слово, жилы!... А медвѣдя этаго не отдавайте, господа! Это не мадель имъ тутъ мудрить.... Йонъ, небось, наставилъ около себя этихъ архаравцевъ, да и палитъ съ ими въ шестеро рукъ, а подикась,... деньги плотитъ за себя за одного, небось, какъ и прочіе господа! да и хочетъ надо всѣми владычествовать! что йонъ миліонщикъ, такъ ему и уважать?

— Ну ступай съ Богомъ, Агей, сказалъ я, видя, что разсужденіямъ его не будетъ конца, а на часахъ уже далеко за полночь.

— Счастливо оставаться, сказалъ онъ и за дверью не переставалъ еще разсуждать:—а медвѣдя не слѣдъ уступать! совсѣмъ не слѣдъ! Ишъ ты какіе привередники проявились! чужихъ медвѣдей подбирать пріѣхали.

23 Утромъ, на отъѣздѣ нашемъ изъ Александровки

не обошлось опять безъ приключеній. Если припомнимъ, въ одну изъ охотъ былъ взятъ живьемъ лончакъ и съ общаго согласія отданъ Алексѣю Александровичу.

Приключеніе, случившееся съ медвѣжонкомъ, было слѣдующее: Пойманный узникъ, въ то же время, былъ заключенъ въ сараи, привязанъ на веревкѣ къ санямъ и запертъ впредь до отъѣзда Алексѣя Александровича, который намѣревался привести домой, не только мертвыхъ, но и живыхъ. Надо-же было похвастаться передъ знакомыми охотниками! Да и было чѣмъ. Онъ везъ двѣ шкуры: медвѣдицы и медвѣдя, убитыхъ имъ своеручно. Везъ одного маленькаго, мѣсячнаго медвѣженка (*), и цѣликомъ неснятаго, принадлежащаго Борису, Сонскаго медвѣдя, а также и пойманнаго лончака.

Но къ сожалѣнію, въ послѣднюю ночь случилось курьозное событіе. 23-го утромъ, передъ поѣздкой, Алексѣй Александровичъ приказываетъ своему Дмитрію.—Смотри, братецъ, обращайся съ лончакомъ осторожнѣй, чтобъ не покусалъ тебя! Ты его знаешь? Сострунь-ка по нашему, да на веревкѣ, такъ и вези.

— Унасъ не вывернется изъ рукъ, Лексѣй Лександрачь! будьте покойны! Нетакихъ видали.

Между тѣмъ у Бориса въ избѣ шло слѣдствіе о

(*) Остальныхъ-же взяли: одного Борисъ, другаго Петръ Викентьевичъ.

побѣгѣ, въ эту ночь, изъ сарая этого самаго медвѣжонка.

Что же по осмотрѣ оказалось? лончакъ ушелъ, освобожденный изъ неволи. Послали Гаврилу и Василья окладчиковъ посмотрѣть, дѣйствительно-ли ушелъ, не украли-ли? Тѣ освидѣтельствовали вокругъ сарая и нашли свѣжіе слѣды.

— Доподлинно ушелъ! Борисъ Ляксаныцъ! и слѣды-те видали, такъ все въ махъ въ болото! сказалъ Василій, входя въ избу.

— Это все подлецъ Егорка! — возразилъ Михаилъ Павлычъ сердито — все его штуки. Теперь онъ на насъ съ Борисомъ страшно золъ. Онъ воображалъ, что будетъ получать деньги за облавы самъ, расчитываться съ мужиками и красть у нихъ половину. А Борисъ раздавалъ каждому на руки, такъ что ему доставался только одинъ двугривенный, какъ и всякому другому облавщику. Всѣ его надежды погрѣть руки, разшиблись въ дребезги. Какже ему не злится? я вамъ говорю, подлецъ естественный; Онъ думалъ этимъ напакостить намъ!

Объ этомъ событіи тотчасъ же дано было знать Алексѣю Александровичу, который очень сожалѣлъ, что не пришлось его привезти домой. При спросѣ Егора Софронова, незнаетъ ли онъ, кто похитилъ этого звѣрка? Онъ отвѣтилъ: — а я почемъ знаю! Рая мы яво караулили! Вѣстимо въ ношну пору отвязался, да и

ушелъ. Онъ вѣдь не намъ сдаденъ, а Акулинѣ, она значитъ и отвѣтствовать должна. Мало-ли какаго народа бываетъ! Такъ отвѣчалъ Егоръ Софроновъ на вопросы Бориса, который въ этой штукѣ также подозрѣвалъ одного его.

Что медвѣжонокъ ушолъ не самъ, а украденъ или умышленно выпущенъ, было очевидно, ибо веревка за которую онъ былъ привязанъ, лежала не на землѣ, а была перекинута черезъ кресла, стоявшихъ тутъ саней.

Между тѣмъ подводы были готовы, мы ѣхали въ разные стороны съ Алексѣемъ Александровичемъ и, уже одѣтые по дорожному, вышли на улицу. Вышелъ и онъ къ своимъ санямъ и ожидалъ, пока уложатъ медвѣдя на готовую особую подводу, ибо звѣрь былъ еще подвѣшенъ за шею въ воротахъ нашей квартиры.

— Какъ хороша твоя рана, сказалъ я Борису, подходя къ медвѣдю и впуская указательный палецъ въ глубь ея отверстія, съ этакой пулей ни когда не уйдетъ! Ловко-же ты саданулъ, прямо въ холку черезъ грудь на вылетъ!

— Такого выстрѣла во всю жизнь не повторить! Отвѣтилъ хладнокровно Борисъ, закуривая папиросу, и отвернулся съ неудовольствіемъ.

— Ваши пули, Алексѣй Александровичъ, тоже были бы хороши, но вскользь прошли. Посмотрите-ка пожалуйста сами. Одна въ груди, пробила кожу и прошла

вдоль брюха позакожей, другая въ лопатку и тоже не хватила легкихъ, а третья подъ шею на вылетъ, но не тронула горла. Съ этими пулями медвѣдь могъ уйти и прожить лѣтъ тридцать! сказалъ я, обратившись къ А—ву, стоявшему, отвернувшись въ сторону.

— Я ужъ давно ихъ видѣлъ и смотрѣть не хочу! сказалъ онъ, не оборачиваясь. Садись, ребята, скорѣй! что ты копаешься до сихъ поръ? Обратился онъ сердито къ Дмитрію и, не удостоивъ пожатіемъ руки на разставаньи съ нами, тоненькимъ голоскомъ закричалъ, ступай!

За нимъ тронулся и медвѣдь, Бориса съ храбрымъ Дмитріемъ, который любезно раскланивался съ молодухой, дочерью Егора Софронова. Золомивъ на бекрень шапку, онъ нагло посматривалъ по сторонамъ, какъ-бы давая чувствовать всякому встрѣчному; что вотъ какъ мы съ бариномъ-то охотимся, цѣлый возъ веземъ медвѣжатины!!! Значитъ охотники тово!!!

Мы думали съ Борисомъ вдвоемъ сдѣлать небольшую облаву на Великана, да сочли это неудобнымъ. Такого упорнаго звѣря выгнать на 2 номера почти не возможно, тѣмъ болѣе гоннаго и только что обойденнаго. Искать берлогу? Не подпуститъ и преждевременно соскочитъ. Все это передумавши въ Александровкѣ, и мы рѣшили уѣхать, съ тѣмъ чтобы въ О—вѣ переночевать у Михаила Павловича.

Когда А—въ скрылся съ своей свитой, и мы начали усаживаться въ сани, Егоръ Софроновъ съ женой стояли за воротами.

— Прощай, Егоръ! Не поминай насъ лихомъ!

— Съ Богомъ! отвѣчалъ онъ грубо и, не снявъ шапки, махнулъ рукой. А его жена, плюгавая старушенка, указывая на Бориса, насмѣшливо сказала. — Ужъ нече и говорить пра яво! Прямо шта красноглазой цортъ!

—Какъ есть, што-нн наесть худой самый целавѣкъ, добавилъ Егоръ и пошелъ судится съ окладчиками за свою обиду.

Проѣхавши верстъ 15, на дорогѣ въ селѣ Кукоревѣ, извощики наши намѣревались перемѣнить лошадей. Мы пріостановились на постояломъ дворѣ и, только что велѣли ставить самоваръ, какъ въ избу вбѣжала въ попыхахъ толстолицая, краснощекая бабёнка.

— Здраствуй, Михайла Павлычъ! Опять ты къ намъ?

— А! здорово, Арина, здорово! Поцѣлуемся, родная! Экая, братецъ ты мой, толстуха аппетитная! Смотрика, что у ней тутъ-то. А? крѣпость! Неприступная крѣпость!

—Хи! хи! хи! хи! Экай какой прокуратъ ты, Михайла Павлычъ! захохотавъ, пропищала толстуха.

— Ну что, старушки твои здоровы?

— Все слава Богу! А ты побывай у насъ! вонъ съ ними. Онѣ будутъ ради!... Угостятъ чайкомъ.

Пойдемте, господа, къ нимъ, онѣ славныя старушки, пригласилъ Михаилъ Павловичъ.

И мы, какъ были въ дубленкахъ, такъ и отправились. Ариша должна была насъ представить своимъ господамъ. Дорогой Михаилъ Павловичъ школьничалъ надъ нашей провожатой. Между нами будь сказано, Михаилъ Павловичъ любилъ не однихъ большихъ медвѣдей, но и толстыхъ бабъ. Женщина массивная, съ краснымъ лицомъ, всегда предпочиталась худой или блѣдной, слѣдовательно, Ариша была въ его вкусѣ и, дѣйствительно, баба дородная, просто кровь съ молокомъ.

Полуразвалившаяся старая усадьба, стояла почти наряду съ крестьянскими избами. Тутъ жила помѣщица, старушка. Мы вошли въ растворенные настежъ худые ворота, гдѣ прежде всѣхъ насъ встрѣтили двѣ дворняги и бросились съ лаемъ къ намъ подъ ноги.

— Цыма! цыма! окаянные! Пошелъ на мѣсто, Шарикъ! закричала Ариша и, запыхавшись, вбѣжала на старое крылечко флигеля. — Ступайте сюда!

Вотъ думаемъ, сейчасъ явится Коробочка! Но мы ошиблись. Насъ встрѣтила женщина лѣтъ 40, очень милая. Она жила во флигелѣ, у помѣщицы старушки, которая вскорѣ и сама пришла, извиняясь передъ нами,

что не можетъ принять насъ въ домъ по случаю холода.

Чрезъ четверть часа Ариша, приглаженная и босикомъ, чтобъ не замарать чистые полы, явилась съ самоваромъ и частыми шагами, избоченившись отъ тяжести, вошла и шлёпнула его на мѣдный подносъ. — Кипитъ, сударыня! пропищала она, и, поглядѣвши на насъ, улыбнулась, выказавъ какъ перлы бѣлые зубы.

Напившись чаю у почтенныхъ старушекъ и поболтавши часа полтора, мы разстались. Ариша проводила насъ за ворота и вслѣдъ кричала: — Пріѣзжайте когда еще къ намъ, онѣ такія добрыя!

Михаилъ Павловичъ, шутя, послалъ ей воздушный поцѣлуй.

XIII.

Концертъ на прощаньи.

Великолѣпный былъ вечеръ. Солнце только что начинало садиться, когда мы въѣхали въ городъ. Михаилъ Павловичъ квартировалъ на одной изъ дальнихъ улицъ. Вскорѣ мы остановились у воротъ дикенькаго домика, весьма странной архитектуры. Внизу жилъ хозяинъ, а на верху занималъ Михаилъ Павловичъ. На этотъ разъ въ квартирѣ мы ни кого не нашли, кромѣ толстенькой румяной служанки, которая насъ встрѣ-

тила на крыльцѣ и объявила Михаилу Павловичу, что барыня съ барченкомъ уѣхали на богомолье въ пустынь, и ближе завтра послѣ обѣдни не будутъ. Поэтому мы съ Борисомъ вовсе не стѣснялись и крайне были рады отдохнуть, не напяливая сюртуковъ.

Квартира Михаила Павловича была весьма чистенькая и просторная. Жилъ онъ по состоянію скромно, но прилично, и по видимому, съ большой нуждой и недостаткомъ.

— Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ, братцы! Милости прошу! сказалъ онъ, входя въ небольшую прихожую вмѣстѣ съ нами. Располагайтесь по охотничьи. У меня церемоніи къ чорту! Мы не изъ сансуфровъ. Вотъ вамъ цѣлыхъ двѣ комнаты! Гуляй ребята на просторѣ! А я распоряжусь по хозяйству и велю намъ чего-нибудь, этакъ, закусить. Ей! Груша! самоваръ! А ты, Митька, сбѣгай, принеси штукъ сто самыхъ отборныхъ раковъ, да смотри свѣжихъ! Больше ѣсть нечего, братцы! Не взыщите! жена меня сегодня не ждала! Да впрочемъ, погодите! Чего же-бы, этакъ, намъ выпить?—Конечно чаю! отвѣтилъ я. — Только не простаго, а съ коньякомъ! договорилъ Борисъ. — Слышь, Митька! бутылку самаго лучшаго Елисѣевскаго, да этакъ тамъ, чего-нибудь изъ-закуски! живо!

Михаилъ Павловичъ былъ радушный хлѣбосолъ, что въ печи — всё на столъ мечи. Довольный тѣмъ, что угодилъ охотникамъ, онъ былъ очень веселъ. У него дома все кипѣло; даже Митька, стариннаго покроя слуга, и тотъ не ходилъ а леталъ собачьей рысью. —Это, братецъ ты мой, золотой малый и преданный мнѣ! говорилъ Михаилъ Павловичъ, когда Дмитрій скрывался за дверь, для исполненія какого-нибудь приказанія.

Черезъ полчаса мы сидѣли за самоварчикомъ. Самъ Михаилъ Павловичъ, въ сѣренькомъ халатѣ и туфляхъ на босую ногу, сѣлъ разливать чай. Явился Елисѣевскій коньякъ, наливка и огромное блюдо наполненное отборными раками. Прежде закуски, мы выпили по легонькому пуншу и бесѣда оживилась. Борисъ на этотъ разъ былъ въ духѣ: полились расказы и каламбуры; забренчала гитара и онъ запѣлъ отрывисто хриплымъ басомъ, на самый популярный напѣвъ пѣсню, созданную вѣроятно фантазіею какого-нибудь деревенскаго поэта, а можетъ быть и солдатикъ сложилъ ее на досугѣ. Это безконечно-длинный расказъ, о любовныхъ приключеніяхъ какого-то ловкаго солдата-Яшки и дочери квартирнаго его хозяина — Наташки; съ извѣстнымъ хоровымъ припѣвомъ: Ой калина, Ой малина. Хоръ, на этотъ разъ, составлялъ я.

Михаилъ Павловичъ не выдержалъ и, схвативъ балалайку, пошелъ, какъ говорится, откалывать и подпѣвать, подлаживаясь въ тонъ гитары. Здѣсь старые пріятели вспомнили старину и такъ воодушевились, что и я, на нихъ глядя, расходился. При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что Михаилъ Павловичъ, при всей своей угрюмости, въ веселой компаніи такъ иногда расходится, что его не скоро уймешь. На балалайкѣ онъ играетъ артистически, вособенности плясовыя, что называется, разухабистыя, какъ не удастся ни одному залихватскому кучеру, прельщающему за воротами горничныхъ. У него говоритъ всё: и глаза, и плечи, и каждая жилка—однимъ словомъ всё въ немъ дрожитъ и ходитъ ходуномъ. Но не часто бываютъ такія минуты! вособенности, въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ его семейной жизни. Бываютъ и тяжелые дни, и такихъ дней насчитаешь много, если заглянуть въ его домашній бытъ, лишенный почти средствъ существованія.

Но мы не будемъ распространятся объ этомъ, чтобъ не отравить нашу задушевную бесѣду, подъ кровомъ нашего пріятеля, и скажемъ только одно: что намъ было весело! и такъ отрадно и тепло на душѣ, какъ давно не бывало!

Между тѣмъ вечеръ проходилъ незамѣтно. Пѣніе продолжалось. Бесѣда, подогрѣтая коньякомъ и наливкой, была въ самомъ развалѣ. Много было пропѣто

пѣсенъ и разсказано Борисомъ такихъ вещей, о которыхъ, къ сожалѣнію, мы должны умолчать вовсе. Словомъ, пѣлось и разсказывалось то, чего-бы мы въ присутствіи хозяйки не сдѣлали. Это была своя компанія, нестѣсненная ни какими пошлыми этикетами, гдѣ языкъ обязанъ молоть, какъ мельница, истертыя фразы. Нѣтъ! это были минуты, гдѣ душа на распашку; и все былое непріятное забыто, какъ будто вѣкъ его небывало.

Во время этого самаго разгара, откуда нивозьмись, какъ будто изъ земли, выросла фигура, съ широкораспущенными по плечамъ, русыми съ просѣдью волосами.

— Миръ вамъ, братіе! съ пріѣздомъ, Михайла Павловичъ! Здоровы ли? Аль съ охоты? пробасилъ гость.

А! Батенька, здорово! какъ ты себѣ? Садись-ка попьемъ чайку!

Батенька откашлялся и, крякнувъ, сѣлъ на диванъ, потомъ погладилъ бороду и началъ расчесывать гребнемъ длинные волосы. Исправивъ наскоро свой туалетъ, онъ сложилъ на животъ руки и завертѣлъ большими пальцами то въ одну, то въ другую сторону. Гм, гм! и снова началъ откашливаться и обтираться платкомъ.

— Выпьемъ съ нами! Полно церемониться! Это мои

пріятели? сказалъ Михаилъ Павловичъ, наливая пуншъ гостю.

— Можно, можно! Святые Отцы не запрещали и говорили: «братіе! будемъ пити и веселитися умѣренно!» и онъ почти залпомъ осушилъ пуншевой стаканъ и, крякнувъ, разцѣловалъ Михаила Павловича.

— Я слышалъ, словно здѣсь была музыка. Нельзяли, что нибудь, этакъ-бы сыграть, изъ духовныхъ пѣсенъ, Михало Павлычъ?

— Нѣтъ, батька! мы этихъ не играемъ! А вотъ мы тебѣ отваляемъ веселенькую, не духовную, однакожъ про поповъ въ ней много говорится.

И Михаилъ Павловичъ ударилъ плясовую. А Батенька подлилъ въ стаканъ коньяку и протащилъ вмѣстѣ съ нами, по обыкновенію крякнувъ два раза.

— Хороша ли? спросилъ музыкантъ, сыгравши.

— Преотличная! пробасилъ въ восторгѣ гость, протягивая руку къ наливкѣ.... Вотъ! такъ утѣшилъ!

Далеко было уже за полночь, когда окончилась веселая бесѣда. Батенька былъ красенъ, какъ ракъ, и слегка пошатываясь, побрелъ внизъ, къ своей матинькѣ, которая его немного распекла и уложила спать. —Помни! тебѣ завтра надо служить! сказала она.

— Гм, промычалъ Батенька и захрапѣлъ крѣпкимъ сномъ, не отвѣтивъ ни слова.

Утромъ 24 мы только что поднялись съ постелей,

какъ пріѣхалъ изъ Т—а младшій братъ Михаила Павловича, такой же страстный охотникъ. Николай Павловичъ ѣздилъ нарочно, чтобъ достать хорошихъ медвѣжьихъ собакъ на наши охоты, но опоздалъ и не попалъ въ Александровку; онъ крайнѣ сожалѣлъ, что не пришлось съ нами поохотиться, при всемъ томъ что привелъ добрую медвѣжатницу и на дорогѣ отъ Т—а скупилъ еще 4-хъ вѣрныхъ медвѣдей.

Но, увы! карманы наши были пусты; оставалось только на прогоны, да на желѣзную дорогу.

Вскорѣ, по пріѣздѣ Николая Павловича, возвратилась и сама хозяйка съ сыномъ и старушкой матерью Я—ва, отъ обѣдни. Подали отличный пирогъ и мы, какъ уже собравшіеся въ дорогу, съ Борисомъ выпили водки и принялись безъ церемоніи за завтракъ. Николай Павловичъ отправлялся также съ нами въ Москву. Борисъ же уѣзжалъ не совсѣмъ, а намѣренъ былъ навербовать въ Москвѣ охотниковъ и пріѣхать съ ними добивать остальныхъ медвѣдей.

Пріѣзжайте, братцы, опять, да поскорѣй, а то пропадутъ наши медвѣди. Недѣли черезъ двѣ будетъ плохо. Пожалуй пойдутъ дожди и прощай охота—съ грустью замѣтилъ хозяинъ.

Простившись и поблагодаривъ хозяина и хозяйку за гостепріимный пріемъ, мы сѣли на двѣ пары почтовыхъ и покатили въ В—къ, а оттуда 25-го, на ут-

ренней зарѣ пересѣли въ вагонъ и къ вечернему звону увидали Бѣлокаменную.

XIV.

Вторая поѣздка въ О—въ.

Съ того времени, какъ мы уѣхали изъ О—ва, прошло около трехъ недѣль. Давно уже пахло весной, когда послѣдняя небольшая партія охотниковъ, сформированная Борисомъ, возвратилась изъ О—ва изъ вторичной поѣздки на медвѣдей. Мнѣ крайнѣ любопытно было узнать все въ подробности отъ самаго Бориса, который, спасибо, увѣдомлялъ меня съ мѣста объ охотахъ, и я съ жадностію читалъ и по нѣскольку разъ вновь перечитывалъ его письма. Меня очень интересовалъ *Носорогъ*. Наконецъ изъ его письма я узналъ, что Борисъ вновь повторилъ мастерски расчитанный выстрѣлъ и шкура *Носорога* уже пріѣхала въ Москву.

Въ этомъ послѣднемъ письмѣ, уже изъ Москвы, Борисъ увѣдомлялъ меня, что онъ собирается пріѣхать ко мнѣ провести праздникъ Пасхи, чему я крайнѣ былъ обрадованъ и тотчасъ же написалъ къ нему, прося поспѣшить пріѣздомъ, чтобъ вмѣстѣ встрѣтить весну, поохотится на глухарей и на тягѣ.

2-го Апрѣля, около обѣда сидя у себя въ кабинетѣ,

я услышалъ колокольчикъ на улицѣ и, взглянувши въ окно, увидалъ остановившуюся у моихъ воротъ тройку. Пріѣзжій былъ Борисъ, котораго я давно ждалъ съ нетерпѣніемъ. Мы разцѣловались и я прямо обратился къ нему съ упреками, что заждался его, и тутъ же, не давъ ему еще отдохнуть съ дороги, убѣдительно упрашивалъ скорѣй расказать о результатѣ второй поѣздки.

Погоди, братъ! Вели-ка подать самоваръ; я привезъ съ собой отличнѣйшаго коньяку. За пуншемъ раскажу тебѣ все то, чего тебѣ не удалось видѣть. Какъ промочишь горло, такъ и расказъ то ходчѣе пойдетъ.

Тотчасъ явился самоваръ, мы засѣли и налили себѣ по доброму пуншу съ московскимъ коньякомъ.

Борисъ, отхлебнувши изъ своего стакана, началъ разсказъ, который постараюсь передать безъ всякихъ прикрасъ, а прямо съ его словъ.

— Ты помнишь, что я уѣхалъ изъ О—ва, съ тѣмъ чтобы въ Москвѣ набрать новую партію охотниковъ добивать остальныхъ медвѣдей; вѣдь стыдно же оставлять ихъ наплемя̀! Пріѣзжаю въ Москву и, не отдохнувши, отправляюсь кликать кличь. Ударился къ первому В. П. О—ву. Ты знаешь, что это охотникъ дѣльный: говорю: батюшка, В. П., выручайте, поѣдемъ въ О—въ! медвѣди одолѣли! Было у меня обложено 13, убили 7, а осталось 15.

— Это что за медвѣжья ариѳметика? спрашиваетъ

онъ меня.—Очень просто, говорю я. Возвращаясь каждый разъ изъ лѣсу съ медвѣдемъ, мы находили дожидавшихся насъ мужиковъ съ предложеніемъ: что у нихъ-де есть два медвѣдя очень близко. Управиться успѣемъ ли, не извѣстно, а задатокъ даешь, отказаться нельзя. В. П., повидимому, былъ обрадованъ такимъ извѣстіемъ, взялъ отъ меня адресъ въ О—вѣ, гдѣ могъ узнать о пребываніи охоты и обѣщалъ пріѣхать, какъ только позволятъ ему дѣла. Съ другими я обращался иначе. Всѣ при встрѣчѣ со мной, разумѣется, начинали разговоръ съ того: какъ поохотились? Я отвѣчалъ:—Да! ѣздить на бойню стрѣлять воронъ, или въ Марьину рощу голубей, вы всѣ охотники! а на медвѣдей никого не вызовешь! Такими и другими способами навербовалъ я до 10 человѣкъ, изъявившихъ желаніе ѣхать. Объявилъ имъ отъѣздъ 6 марта, а 4-го просилъ съѣхатся у П. В. Я—скаго для предварительнаго совѣщанія. Въ 2 часа въ назначенный день съѣхалось къ П. В—чу человѣкъ пять; тутъ были охотники еще начинающіе подвизаться на этомъ поприщѣ, но я въ этотъ разъ не разбиралъ, а хлопоталъ объ одномъ: чтобъ было побольше ружей и чтобъ линія была не такъ коротка, какъ въ первую нашу охоту; черезъ что Михаилъ Павловичъ всегда опасался за успѣхъ. При этомъ случился и Графъ А—нъ, также охотникъ, но не изъявившій желанія ѣхать «*въ такую*

даль». Эти господа хотятъ: чтобъ медвѣди-то ложились для нихъ на Тверскомъ бульварѣ.

— Какъ это вы, батюшка, обратился онъ ко мнѣ, не стрѣляли по медвѣдю-то, потому что онъ очень великъ? Вы, значитъ, стрѣляете только маленькихъ, а большихъ не любите?

— Вы хотите сказать, что я струсилъ? Понимаю! Я дѣйствительно трусъ; но все таки меньше всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ до сихъ поръ приходилось мнѣ охотиться. Позвольте васъ спросить: кто изъ васъ становится на мѣсто безъ рогатчика? а то пожалуй и безъ двухъ-трехъ тѣлохранителей?

— Я всегда беру двухъ человѣкъ, отвѣтилъ графъ и прибавилъ. Помилуйте! что за охота мнѣ дать себя причесать медвѣдю?

— А я,—становлюсь всегда одинъ и небоюсь, что онъ меня причешетъ, потому что: стрѣлять на авось и тѣмъ дразнить медвѣдя,-не стану, а выстрѣлю съ увѣренностію, иначе лучше пропущу его, а нагрѣвать воздухъ, какъ это видѣлъ я на многихъ охотахъ, не намѣренъ!

— Да какже вамъ было не стрѣлять? Вы-бы хоть шерсти клокъ съ него сорвали!

— Да! И за клокъ шерсти отдать свою собственную шкуру? Нѣтъ, ужъ зачѣмъ же! лучше я въ другой разъ съѣзжу, да *его* шкуру привезу.

Въ послѣднихъ моихъ словахъ, правда, было отчасти

и фанфаронство, но это сорвалось у меня отъ того, что мысль, убить этого медвѣдя, не выходила изъ головы.

5-го Марта я пустился въ путь, оставивши всѣмъ адресъ дома въ О—вѣ, куда они обѣщались прибыть 7-го числа.

Пріѣхавши за сутки, я сдѣлалъ всѣ распоряженія, т. е. нанялъ подводы, закупилъ провизію и ожидалъ охотниковъ. Но каково было мое разочарованіе, когда на другой день вмѣсто десяти, прибыли только трое и какъ нарочно именно тѣ, которые никогда не бивали медвѣдей.

Дѣлать было нечего! Вечеромъ отправились мы, съ этими новичками, въ д. Кукоревку (центръ 4-хъ окладовъ), откуда думалъ я, возвратясь въ О—въ, ѣхать къ остальнымъ одинадцати, уже въ бо́льшемъ числѣ охотниковъ, предполагая, что остальные подъѣдутъ.

Въ Кукоревкѣ нашли мы ожидавшаго насъ Сонскаго окладчика Ивана, любимца Михаила Павловича. Онъ любилъ его за отличное знаніе дѣла и бралъ съ собою почти на всѣ охоты.

—На котораго поѣдутъ завтра господа-то?, спросилъ Иванъ, Михайла Павловича.

— Да поѣдемъ въ Ель—отвѣтилъ послѣдній.

— Ну въ Ель такъ въ Ель. У меня все готово окладикъ махонькой и мерлога высмотрѣна Да вотъ еще како дѣло, Михайло Павлочъ! Завѣрять не могу, а какъ

бы въ окладѣ то, двухъ не было! Этъ-та ходили мы съ Григорьемъ, чей медвѣдь-атъ; хотѣлъ онъ мнѣ указать мерлогу; а я отбился отъ него да и усмотрѣлъ ее самъ. Только сошлись съ нимъ, а онъ и показываетъ мнѣ, въ иномъ мѣстѣ. Такъ таперича не знаю: два ли ихъ тамо? али онъ самый перешелъ на другую.

—Завтра увидимъ, сказалъ Михаилъ Павловичъ, и послѣ нѣкоторыхъ распросовъ отпустилъ Ивана, и мы легли спать.

На слѣдующій день, 8 числа, рано утромъ, поднялся Михаилъ Павловичъ и совсѣмъ одѣтый пилъ чай, собираясь ѣхать.

Подтвердивши мнѣ снова, чтобы не спѣшить выѣзжать; онъ поѣхалъ съ Иваномъ въ лѣсъ. Часа черезъ два и мы собрались и отправились. Подъѣзжая къ окладу, мы увидали облаву и остановились.—Гдѣ Михаилъ Павловичъ? спрашиваю я. — Они тамъ, отвѣтилъ Иванъ шопотомъ и указалъ въ ту сторону, гдѣ былъ окладъ. Приказали мнѣ: какъ вы пріѣдете, половину облавы вести впередъ, потомъ ваша милость, господа, чтобъ шли, а позади васъ другую половину заведетъ Гаврюха. Не теряя времени, мы двинулись въ томъ порядкѣ, какъ передалъ Иванъ.

Имѣя 1-й №, я пошелъ впереди всѣхъ. Снѣгъ былъ глубокъ, но позади 30-ти человѣкъ облавы, идти было не совсѣмъ тяжело, и я почти не отставалъ отъ

нихъ. Михаилъ Павловичъ, увидавши меня, заключилъ, что прочіе также пришли, а потому и послалъ Ивана заводить лѣвое крыло; самъ же, указавши мнѣ мѣсто, спросилъ: гдѣ остальные охотники. Но прошло минутъ 10-ть, а ихъ все еще не было.

Наконецъ подходятъ: Т., Н., Л—въ и братъ Михаила Павловича; первые два совершенно утомившіеся. Они нѣсколько разъ останавливались отдыхать и задержали, шедшую позади ихъ вторую половину облавы, такъ что первая стояла уже на мѣстѣ, а вторая только что начала заходить.

Разстанавливаясь по мѣстамъ, охотники наши не соблюли должной тишины, и долетавшіе до слуха моего разговоры, порядкомъ меня сердили. Надо замѣтить, что въ каждой половинѣ облавы было по собакѣ. Гаврило держалъ свою на веревкѣ, а Иванъ понадѣявшись, что его собака не отойдетъ отъ него, оставилъ ее на волѣ. Она же, причуявши вблизи, звѣря, залаяла и медвѣдь вскочилъ. Это бы еще ничего! Онъ ударился было прямо къ нашей линіи, но, заслышавъ шумъ, вернулся и прорвался тамъ, гдѣ должна была стоять вторая половина облавы, неуспѣвшая дойти до мѣста. Охота была испорчена и мы сошли съ своихъ мѣстъ. Тутъ начались толки: какъ? чѣмъ? и кто испортилъ?—Что толковать, господа! я виноватъ. Все, что въ охотѣ сдѣлается нескладнаго, во всемъ виноватъ распорядитель

и я прошу у васъ извиненія, проговорилъ подошедшій къ намъ Михаилъ Павловичъ. Каждый отвѣтилъ ему учтивостью и старался доказать, что вина не его. Но онъ былъ неутѣшимъ. Во всю дорогу онъ сидѣлъ нахмуренный и по временамъ навертывались даже на глазахъ слезы. Я принялся успокоивать его, но не было возможности.—Полно, говорю я, горевать-то! Вѣдь ты видѣшь, что никто не претендуетъ на тебя за неудачу и не относитъ ее къ твоей винѣ. Всѣ видятъ, что тутъ всё, какъ-то сложилось несчастливо; тутъ и собаченка эта не во время залаяла....

— Все это ничего, мой родной, не собаченка, отвѣчалъ онъ плаксивымъ голосомъ. Три минуты! Говорю тебѣ, приди эти господа три минуты раньше и охота была бы великолѣпная! Окладецъ то какой я обдѣлалъ! просто игрушка! Кажется бы, какъ на возжахъ выставилъ его проклятаго!

Весь этотъ день не расправлялся его наморщенный лобъ. Онъ не обѣдалъ и просидѣлъ въ своей избѣ, облокотившись на столъ. Гналъ вонъ окладчиковъ, съ которыми въ другое время всегда былъ ласковъ, обругалъ и выгналъ изъ избы своего шестидесятилѣтняго Митьку; однимъ словомъ къ нему не было приступу. Я не заводилъ съ нимъ разговора, думая дать остыть его досадѣ. Вечеромъ онъ самъ заговорилъ со мною.

— Мнѣ кажется, началъ онъ, что у меня языкъ—

чтобъ говорить, зубы—чтобъ жевать хлѣбъ, ноги—чтобъ ходить. Неужли же они думаютъ, что Богъ далъ имъ ноги, чтобъ мазурку танцовать? Какъ? большіе, здоровенные ребята, не могутъ полъ-версты пройти по лѣсу! Что это такое?

— Ты все объ одномъ! Да полно! забудь и успокойся.

— Не могу братецъ ты мой! Меня сердитъ мой родной братъ. Какъ! помилуй! человѣкъ не родился сансуфромъ, а тоже подражаетъ имъ! Давича идетъ становиться на №, да сказки расказываетъ! Положимъ тѣмъ простительно; они можетъ быть не знаютъ, что надо какъ можно тише; а братъ то! Вѣдь ужъ съ 12 лѣтъ охотится! Чего онъ-то давича отсталъ? силы что ли не хватило? Не могу братецъ я этого перенести!

Долго проговорилъ бы онъ на эту тему, но разговоръ принялъ другой оборотъ, съ прибытіемъ окладчика Ѳедора изъ Раменья, за которымъ я посылалъ; и Михаилъ Павловичъ, занявшись предстоящею охотою пересталъ кажется, мучить себя прошедшею неудачею. Другой нарочный отправленъ былъ къ Василью, за 30-ть верстъ, съ приказаніемъ,—прибыть въ д. Жилино, въ близи которой обложенъ былъ у него медвѣдь - Великанъ, и объявить ему: что охотится на него будемъ послѣ завтра.

На другой день утромъ, передъ отправленіемъ, оклад-

чикъ Ѳедоръ объяснилъ мнѣ, что въ 10 верстахъ лежитъ медвѣдица; а по дорогѣ къ ней, съ пол-версты въ сторону, медвѣдь; что они лежали вмѣстѣ, а съ тѣхъ поръ, какъ ихъ нашли, легли врозь. Я заключилъ изъ этого разсказа, что звѣри должны быть не совершеннолѣтніе; ну, да для моихъ дебютантовъ, таковскіе!

Мы поѣхали довольно торной дорогой, въ сопровожденіи Гаврилы, знавшаго окладъ. Михаилъ Павловичъ съ Ѳедоромъ и облавой встрѣтили насъ въ лѣсу. Они оба повели облаву, а мы пошли становиться на мѣста.

Мнѣ достался на этотъ разъ 4-й, т. е. послѣдній №. Минутъ черезъ 10 закричала облава и обозначился такой маленькій окладъ, что звѣрь долженъ былъ показаться немедленно.

Такъ и вышло! Минутъ черезъ пять въ окладѣ раздался сигнальный выстрѣлъ, означавшій, что звѣрь поднятъ, а черезъ 10 послышались выстрѣлы на первыхъ номерахъ. Влѣдъ за тѣмъ я услышалъ громкій разговоръ на линіи.

Оставя свое мѣсто, отправился я на шумъ, гдѣ увидѣлъ убитую медвѣдицу, побольше барана.

— Чтожъ это вы господа, такой скандалъ подняли въ лѣсу? Пальбу открыли, какъ будто штурмовали Севастополь, чтобъ убить этого щенка!

— Да! подитетка, какой живущій, отвѣтилъ Т., стоя надъ своей жертвой.

Было безъ четверти 2 часа. Мы, переговоривши съ Михаиломъ Павловичемъ, рѣшили, что можно успѣть покончить и съ другимъ; а потому, не теряя времени, отправили Ѳедора съ облавой къ другому окладу; сами же усѣлись въ сани и потянулись шагомъ за ними.

Проѣхавши версты четыре обратно по дорогѣ, мы свернули вправо и въѣхали въ гористый лѣсъ. Мѣстами были обрывы саженъ по 20 глубины, напоминавшіе въ миніатюрѣ Кавказъ или Швейцарію.

Мнѣ достался опять самый дальній номеръ. Окладъ сдѣланъ былъ не больше перваго, но звѣря не такъ скоро выставили.

По крайней мѣрѣ черезъ полчаса, я услышалъ у праваго своего сосѣда хлопнувшій пистонъ и за тѣмъ мелькнуло передо мной въ чащѣ, что-то не очень крупное. Нѣсколько минутъ спустя, лѣвая сторона облавы сильно зашумѣла и послышался крикъ: Смотри! пошелъ! Раздался выстрѣлъ на 1-мъ №, за тѣмъ другой, третій—и опять разговоръ на линіи объяснилъ мнѣ, что охота кончилась.

Но какъ въ первую, такъ и въ эту охоту меня удивляли выстрѣлы; они были такъ слабы, что походили на холостые, чѣмъ я и объяснилъ себѣ живучесть медвѣдей. Я поспѣшилъ на мѣсто происшествія.

Подходя, увидѣлъ я лежащаго на чемъ-то мужика и, приблизившись, разслушалъ, что подъ нимъ реветъ медвѣдь.

— Дайте, братцы веревку! свяжемъ яво, кричалъ онъ обступившей толпѣ; явилась веревка, въ минуту медвѣдь былъ опоясанъ, и со смѣхомъ и прибаутками потащили его по направленію къ нашимъ подводамъ. Однако у храбреца, лежавшаго на медвѣдѣ, рука была прокушена и струилась кровь. Мнѣ пришла мысль попробовать притравить, только что пріобрѣтенную собаку: какъ она возметъ живаго звѣря? Опередивши всѣхъ, я поспѣшилъ къ санямъ гдѣ она была оставлена. Не успѣлъ я отвязать ее, какъ услышалъ позади три выстрѣла.... Эти господа не выдержали и разстрѣляли связаннаго звѣря, какъ преступника.

Оказалось, и эта медвѣдица; и была немного побольше первой.—вѣроятно сестры.

Впослѣдствіи я узналъ, что онѣ лежали первоначально съ матерью, и окладчики, изъ которыхъ одинъ былъ въ родѣ Егора Софронова, сдѣлали Архиповскую штуку, но она имъ не совсѣмъ удалась. Они разогнали семейство и, пока окладывали этихъ двухъ, потеряли слѣдъ старой медвѣдицы.

Мы возвратились домой на закатѣ солнца. Меня встрѣтилъ мужикъ, котораго я посылалъ наканунѣ къ Василью, хлопотавшему о медвѣдѣ, прозванномъ нами

Носорогомъ, съ отвѣтомъ, что все благополучно и что Василій ждетъ насъ въ д. Жилинѣ.

На другой день, мы съ Михаиломъ Павловичемъ встали очень рано и, сидя за самоваромъ, толковали: какъ бы сдѣлать, чтобъ *Носорогъ* въ другой разъ не отдѣлался.—Трудно! говорю я: насъ не много, а окладъ большой, звѣрь гонный, и у меня надежды мало. Надо бы твоего брата Николая поставить на номеръ, чтобы сколько нибудь растянуть линію, а съ фланговъ поставить человѣка по три мужиковъ съ ружьями, а иначе, сколько ты имъ ни приказывай—не кричать, они не послушаютъ. Тогда какъ съ ружьемъ онъ будетъ стоять смирно, и линія наша повытянется. По мнѣ пусть лучше мужикъ убьетъ, чѣмъ этотъ лѣшій опять надъ нами насмѣется.

— Оно такъ-то, такъ! Да что-жъ подѣлаешь съ сансуфрами? Они вонъ хотятъ встать двое, Н. и Т. на одинъ номеръ, да берутъ брата Николая къ себѣ для поддержки; а Л—въ пристаетъ, чтобъ я стоялъ съ нимъ. Помилуй, скажи! мнѣ надо смотрѣть да смотрѣть, чтобы все шло стройно, вѣдь это не со вчерашними щенятами; а тутъ ступай я въ няньки!

—Да, братъ! Носорогу видно не судьба быть убитымъ!

— Ну, Борисъ, я поѣду; а ты не спѣши выѣзжать. Дай мнѣ хорошенько повѣрить и, коли можно, обрѣзать окладъ.

По отъѣздѣ Михаила Павловича, вскорѣ пришли ко мнѣ товарищи-охотники. *Носорогъ* сильно занималъ ихъ. Толкамъ не было конца. Какъ убить этакаго чорта? когда вчерашнихъ били, били—и все живутъ.

— Бейте говорю я, въ причинно мѣсто, какъ выразился мужикъ въ Сонкахъ. Я всегда наровлю туда.

— Да объясните пожалуйста, гдѣ у медвѣдя причинное мѣсто? спросилъ меня Т.

— Да какъ вамъ сказать! Это зависитъ отъ того, въ какомъ положеніи онъ будетъ къ вамъ. Грудь, холка, лопатка, хребетъ, лобъ, подъ ушко — вотъ вамъ причинныя мѣста.

Въ подобныхъ шуткахъ незамѣтно прошло часа полтора. Н. и Т. пошли въ свою избу изготовляться на охоту, а Л—въ остался у меня. Въ избу вошелъ подводчикъ спросить, не пора ли закладывать? Я посмотрѣлъ на часы, было еще 9 часовъ и торопиться было не зачѣмъ.

— А что, господа! нонѣ вѣдь на того поѣдете, что ономнясь ушолъ-то? спросилъ подводчикъ. Вчера Агафонъ раскладывалъ на картахъ и вѣрно угадалъ.

— Какой Агафонъ? Что онъ угадалъ? спрашиваю я.

— Нащотъ тыесть вчерашней охоты! Сказалъ вчера: дѣло молъ будетъ, только съ изъянцемъ. Такъ оно и вышло, мужику-то руку прокусилъ! Онъ у насъ все какъ есть угадываетъ: лошадь-ли у кого пропадетъ, скажетъ жива-ль она, али куда уведёна. Вамъ бы его нащотъ нонѣшняго-то позвать! Онъ вѣрно скажетъ.

— Ну позови! сказалъ Л—въ. Ничего! потѣшимся, Борисъ Александровичъ, пусть его болтаетъ.

Спустя нѣсколько времени, вошелъ подводчикъ и съ нимъ мужикъ лѣтъ шестидесяти. Вошедши, послѣдній перекрестился на образъ и отвѣсилъ всѣмъ по поклону.

— Здорово, Агафонъ! сказалъ Л—въ. Говорятъ, ты мастеръ гадать, погадай-ка намъ про сегодняшнюю охоту.

Агафонъ сначала понюхалъ табаку, потомъ, усѣвшись на лавку и принявши видъ оракула, досталъ изъ за пазухи грязную колоду картъ, завернутую въ полосатую, синюю тряпичку и началъ раскладывать карты на лавкѣ.—Статья будетъ... и хорошая.... безъ изъяну, проговорилъ онъ.—Ну, а кто-жъ изъ насъ убьетъ? спросилъ Л—въ. Озадаченный такимъ вопросомъ, предсказатель однакожъ вывернулся. Онъ началъ перекладывать по одной картѣ съ мѣста на мѣсто и отвѣтилъ:

—На червоннаго короля выходитъ.—А ктоже это червонный король? — Ужъ этаго я не могу знать. Вы ужъ сами промежъ себя знаете: кто изъ васъ червонный, бубновый-ли, аль трефовый. Вонъ къ примѣру, бабы гадаютъ. У нихъ коли бѣлокурый, значитъ бубновый. Этимъ закончилъ оракулъ свои предсказанія, получилъ на водку и отправился въ кабакъ.

Вскорѣ мы собрались и поѣхали. Верстахъ въ 12 была деревня Жилино, гдѣ мы встрѣтили на улицѣ

Михаила Павловича, съ озабоченнымъ и нахмуреннымъ лицомъ.

— Что, братецъ дѣлать? началъ онъ, сегодня въ ночь сошелъ медвѣдь!

— Такъ что-жъ, говорю я, поѣдемъ домой.

— Нѣтъ погоди. Я послалъ Василья и брата его Гаврилу чтобъ обошли, если не далеко ушелъ, и самъ сейчасъ отправляюсь; а вы побудьте здѣсь часокъ времени и пріѣзжайте къ рѣчкѣ.

— Мы вошли въ избу и принялись кто за чай, кто за закуску. Черезъ часъ мы выѣхали и проѣхавши верстъ 10, были у рѣчки. Тутъ ожидала насъ облава и Михаилъ Павловичъ.—Ну что? спросили мы всѣ разомъ.—Скверно! отвѣчалъ онъ. Василій обошелъ-было его и присѣлъ на опушкѣ, отдохнуть; а проѣзжіе мужики сказали ему: «медвѣдь-атъ твой сейчасъ прошелъ черезъ дорогу.» Онъ бросился къ окладу, и оказалась правда. Я остался здѣсь, чтобы попросить васъ подождать, а самъ иду сейчасъ туда. Съ этими словами онъ перешелъ рѣчку и направился къ лѣсу пѣшкомъ.

Съ часъ времени мы простояли на одномъ мѣстѣ. Молодые ребята изъ облавы грѣлись, валяя одинъ другаго въ снѣгъ, а господа,—практиковались въ искуствѣ ходить на лыжахъ.

— Эвона! Гаврило бѣжитъ! закричалъ кто-то изъ мужиковъ. Дѣйствительно, отъ лѣса по направленію къ

намъ, бѣжалъ братъ окладчика Василья. Заключивъ, что онъ бѣжитъ, вѣроятно, съ хорошимъ извѣстіемъ и что нужна поспѣшность, мы сѣли въ сани и поѣхали на встрѣчу бѣжавшему, приказавъ облавѣ поспѣшать за нами.

Встрѣтивши запыхавшагося Гаврилу, я посадилъ его въ свои сани; но онъ долго не могъ выговорить слова. Наконецъ проговорилъ съ передышками:—промежду дорогъ захватили. Надо поскорѣй становиться, господа, а я накажу облавѣ, штобъ какъ можно смирнѣе заходили. И съ этимъ словомъ соскочилъ съ саней.

Не болѣе версты было до опушки лѣса, гдѣ Михаилъ Павловичъ встрѣтивъ насъ, повелъ прямо по дорогѣ и, указавши мнѣ линію, проговорилъ:—разставь охотниковъ, а я побѣгу заводить правое крыло. И дѣйствительно облава бѣгомъ за нимъ, разставлялась по дорогѣ.

На 1-й № долженъ былъ стать Т., второй былъ мой; пропустивши его, я выбралъ мѣсто для третьяго; но, оглянувшись, вижу, что за мной слѣдуетъ одинъ Л—въ, у котораго былъ 4-й №.

— Гдѣ же прочіе? спросилъ я. — Да они всѣ стали на 1-й №. Я вернулся и, дойдя до 1-го № увидалъ преживописную, но вовсе мнѣ не понравившуюся картину. Представь себѣ между группой деревьевъ стояли: Т., его человѣкъ, Н., Николай Павловичъ и два мужика

съ рогатинами. По деревьямъ они развѣсили запасныя ружья и недоставало только гитары и костра, чтобы этотъ № изображалъ цыганскій таборъ, въ балетѣ Гитана.

— Помилуйте господа! говорю я: мы хлопочемъ, какъ бы вытянуть линію стрѣлковъ, а вы сбились всѣ въ кучу.

— Ужь теперь нечего толковать. Дома еще рѣшено было у насъ—такъ стоять, отвѣтилъ мнѣ Николай Павловичъ.

Некогда было ихъ уговаривать и я побрелъ на свое мѣсто, потерявши всякую надежду на успѣхъ охоты.

Окладъ, въ которомъ захваченъ былъ медвѣдь, состоялъ изъ смѣшаннаго лѣса: съ одной стороны огибала его проѣзжая дорога, съ другой пожни, а за ними рѣчка. Средину дороги заняли мы, а отъ обоихъ фланговъ нашей линіи, загибалась облава и сходилась на пожняхъ (*).

Не прошло 10 минутъ, какъ холостой выстрѣлъ въ лѣвой части оклада возвѣстилъ намъ, что звѣрь открытъ; а минутъ еще черезъ 5 усиленный крикъ облавы въ правой сторонѣ показалъ, что онъ уже тамъ.

Мы простояли часа четыре, въ продолженіе которыхъ

(*) Вѣроятно медвѣдь не рѣшился идти днемъ черезъ чистое мѣсто, а остался ожидать ночи и былъ отрѣзанъ въ этомъ углу лѣса, проѣзжею дорогою.

медвѣдь: то пробовалъ прокрасться между кричанами, то затаивался въ чащѣ. Не далеко уже было до вечера, какъ я увидѣлъ Михаила Павловича, идущаго по дорогѣ отъ послѣдняго №.—Скоро будетъ темно, не тронуть ли облаву? проговорилъ я ему шепотомъ.—Я бы давно это сдѣлалъ! Да меня не пускалъ отъ себя Л—въ, отвѣчалъ онъ и, указавъ въ правую сторону оклада, сказалъ.—Вонъ онъ гдѣ таится, я пойду выпру его изъ этого мѣшка, а ты не зѣвай, сейчасъ будетъ здѣсь.

Онъ ушелъ и черезъ 10 минутъ я услыхалъ, что крикъ правой боковой облавы приближается, и вскорѣ за тѣмъ, увидалъ правѣе отъ меня въ чащѣ, стремглавъ несущуюся черную массу. По лѣвѣе меня, шагахъ въ 25 впереди, была прогалинка сажени въ полторы. Сообразивши по направленію звѣря, что онъ ее не минуетъ, я вскинулъ ружье и заранѣе прицѣлился. Дѣйствительно черная масса вскорѣ мелькнула у меня на мушкѣ; я спустилъ курокъ.... медвѣдь рявкнулъ и завалился за кустъ. Взявши рогатину, я пошелъ къ нему; но сдѣлавши два шага за дорогу, провалился въ снѣгъ почти по поясъ. Нѣтъ! думаю, въ такихъ сугробахъ не ловко ратоборствовать даже и съ издыхающимъ Мишей. И вернулся на свое мѣсто, увѣренный, что онъ не можетъ далеко уползти и идущіе по слѣду окладчики, найдутъ его мертвымъ. Но каково было мое удивленіе, когда я услыхалъ минутъ около 10 спустя, послѣ моего выстрѣла, вы-

стрѣлъ лѣваго моего сосѣда. Что за оказія? подумалъ я. Еслибъ я его легко ранилъ, то въ этотъ промежутокъ, онъ успѣлъ бы уйдти 2 или 3 версты. Значитъ онъ ползъ тише черепахи, когда въ двадцати шагахъ по немъ стрѣляютъ; и я пошелъ по дорогѣ къ сосѣду. Подойдя, я увидалъ, что черная собаченка, ухватившись зубами за задъ лежащаго медвѣдя, теребитъ его безъ милосердія, отъ чего медвѣдь шевелится и кажется еще живымъ.—Не подходи! закричалъ я мужику, направлявшемуся не осторожно къ головѣ звѣря. Но тотъ, не слушая меня, ухватилъ его за уши и приподнявъ голову, бросилъ, сказавши: «да ужъ онъ давно здохъ.» И сталъ искать пулю.

— Ищи на четверть позади лѣвой лопатки, закричалъ я ему; и онъ по моему указанію отыскалъ рану. Она была сквозная и пуля вылетѣла въ правую лопатку.

По обыкновенію; медвѣдя окружила толпа мужиковъ, а я отправился по дорогѣ къ санямъ. Пройдя всю бывшую нашу линію, я уже былъ близко къ подводамъ, какъ увидѣлъ идущихъ на встрѣчу, Т. и Н., которые, соскучившись долгимъ ожиданіемъ, сошли съ своего мѣста и давнымъ давно грѣлись у огня около подводъ. Завидѣвши меня, они издали спросили:—Убили?—убилъ.—Съ одного выстрѣла?—Съ одного.—Ну, батюшка сказалъ Т. Теперь вижу, что вы знаете причинное мѣсто. И пошли: они—смотрѣть медвѣдя, а я—къ санямъ.

Не много погодя пришелъ Л—въ съ извѣстіемъ, что и его пуля въ глоткѣ.—Чтожъ такое, говорю я, вѣдь она совершенно лишняя. Вы сами говорите, что не видали: стоялъ ли медвѣдь, сидѣлъ ли, а увидали изъ за куста его голову и выстрѣлили. Очень понятно медвѣдь издыхалъ за кустомъ.—Ну да мы дома разберемъ, проговорилъ онъ, и мы поѣхали.

Вотъ тебѣ разъ! подумалъ я, еще пожалуй будетъ споръ. Чтожъ это за судьба мнѣ такая? Стрѣляю послѣдній и убиваю.... мнѣ не отдаютъ; теперь первый стрѣлялъ, убилъ.... опять хотятъ взять! Когда же я-то буду брать?

Мы воротились домой поздно; и легли тотчасъ же спать.

Утромъ пришелъ ко мнѣ Л—въ съ предложеніемъ, присутствовать при снятіи шкуры, для того чтобы разсудить: чья пуля положила медвѣдя.

Я пошелъ за нимъ. На дворѣ Гаврило, наточивши ножъ, приступилъ къ операціи. Л—въ не спускалъ глазъ съ него и даже по временамъ бралъ ножъ, и самъ принимался разрѣзывать тѣ части, гдѣ прошли пули. Такъ какъ эта исторія длилась довольно долго, мнѣ надоѣло; я ушелъ въ избу и усѣлся завтракать, а Л—въ остался. Полчаса спустя вошелъ онъ съ веселымъ лицомъ, держа въ рукѣ измятую пулю и закричалъ мнѣ! —Ну теперь я покоенъ! поздравляю васъ, медвѣдь вашъ,

извините меня; я далъ ему только плюху. Пуля выбила коренной зубъ, и засѣла въ загривкѣ. Эта плюха ему за то: какъ онъ смѣлъ отползти, а не остался на мѣстѣ, и этимъ чуть чуть насъ съ вами ни поссорилъ.

— Ну, слава Богу, сказалъ я, дѣло обошлось. И при этомъ невольно вспомнилъ Сонскаго медвѣдя, подумавши: вотъ! вѣдь купецъ! а поступилъ много благороднѣе дворянина А—ва.

Вскорѣ за тѣмъ собрались мои товарищи въ Москву, и пригласили съ собою Николая Павловича; а мы съ Михаиломъ Павловичемъ отправились въ О—въ, поджидать пріѣзда другихъ, обѣщавшихся охотниковъ, чтобы пустится на остальныхъ 11-ть медвѣдей. Эта же сторона, за исключеніемъ Ельскаго медвѣдя, была очищена.

Переночевавши въ О—вѣ, мы сидѣли утромъ за завтракомъ и вели слѣдующій разговоръ.

— Чтожъ мы будемъ, въ ожиданіи этихъ господъ, сидѣть праздно, сказалъ Михаилъ Павловичъ. Съѣздимъ-ка въ Бервенецъ; тамъ лежитъ медвѣдица съ двумя лончаками, вся на виду. Подойдемъ и убьемъ ее на берлогѣ. Оно будетъ не по охотѣ, да все равно. У насъ такъ много медвѣдей, что надо ихъ бить на всѣ фасоны, лишь бы успѣть; а то подтаетъ, встанутъ и такъ пропадутъ.

— Пожалуй, что ты и дѣло говоришь, отвѣтилъ я. Знаешь что? Я прилягу немножко поспать, а ты поди-ка

найми подводу. Сегодня воскресенье, и на базарѣ вѣрно есть тамошніе мужики; насъ свезутъ за бездѣлицу. Значитъ охота будетъ безъ большихъ издержекъ,—экономическая.

Какъ сказали такъ и сдѣлали; однако не суждено было исполниться нашимъ замысламъ.

Только что я задремалъ, вошелъ ко мнѣ Михаилъ Павловичъ.—Вставай, Борисъ! Охотники ѣдутъ; братъ Николай воротился съ А—вымъ, изъ В—а, а другіе будутъ вслѣдъ за ними.

Я вскочилъ встрѣчать Николая Павловича, и засталъ его уже стоящаго у буфета съ рюмкой водки и отыскивающаго чего нибудь съѣстнаго. Онъ выпилъ, и закусывая чернымъ хлѣбомъ, обратился къ намъ.—Помилуйте! уморилъ съ голоду! Представьте! ѣхали 120 верстъ, чаю даже не пили, а объ ѣдѣ и говорить нечего!

Михаилъ Павловичъ покатился со смѣху. Его ужасно забавляло то, что брата оторвалъ А—въ, по его выраженію, отъ хорошихъ сансуфровъ, съ которыми бы онъ всю дорогу пиршествовалъ, и выдержалъ его на пищѣ Св. Антонія.

Однакоже мы напрасно прождали три дня; никто больше не пріѣхалъ. А—въ предлагалъ мнѣ ѣхать вдвоемъ; но я не рѣшился пуститься съ такимъ товарищемъ, который не смотря, на посредничество двухъ свидѣтелей, отжилилъ у меня медвѣдя. А въ этотъ

разъ, я былъ бы похожъ на третьяго его ассистента, съ тою только разницею, что тѣ два ничего не платятъ, а мнѣ пришлось бы платить половину расходовъ. Я подъ разными предлогами отказался на отрѣзъ; и нашъ *жила* отправился въ Петербургъ, взявшись довести Николая Павловича до желѣзной дороги.

На другой день и мы съ Михаиломъ Павловичемъ собрались ѣхать: онъ въ Петербургъ хлопотать по своимъ дѣлами, а я въ Москву.

Подъѣзжая къ второй станціи, мы встрѣтили обратныхъ ямщиковъ, возившихъ А—ва, и остановили ихъ, чтобы спросить: отъ чего они такъ поздно возвращаются?

Они объяснили намъ, что возили господъ въ Ель на охоту, но медвѣдь соскочилъ и ушелъ, пока заводили облаву.

— Скажи-жь на милость! обратился ко мнѣ Михаилъ Павловичъ. Второй разъ этотъ медвѣдь отдѣлывается! Жаль! право досадно!

— А я такъ не жалѣю! А—въ думалъ, что сдѣлать дѣло очень просто, и что онъ обойдется безъ тебя. А вотъ ему и доказательство, что всякій пляшетъ, да не такъ какъ скоморохъ.

КОНЕЦЪ.

Deacidified using the Bookkeeper process
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATIO
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

Книжная торговля
В. Клочкова.
Спб.
Лит. 55.

LIBRARY OF CONGRESS
00025259178